

ПРОЗА ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

С ВОСТОКА СВЕТ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Сборник С Востока свет. Проза татарских писателей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56554210

Проза татарских писателей:

ISBN 978-5-298-03778-5

Аннотация

В сборник вошли переводы произведений классиков татарской литературы, представителей среднего поколения, а также молодых писателей, со всем разнообразием жанров, тем и стилей повествования.

Содержание

Набира Гиматдинова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Проза татарских писателей

© Татарское книжное издательство, 2019

© Г. М. Хасанова, 2019

Набира Гиматдинова

Грустить не буду...

(повесть)

1

...А ведь у неё был свой мир. Маленький и уютный мирок... С луной и звёздами... Со своими метелями, дождями и ветрами... И ей было в нём легко и приятно. Потому что, если случалось ей заблудиться, то она блуждала в своей метели, если промокала невзначай, – то под своим собственным дождём. Она была в этом мире и царём, издающим законы, и подданным, неуклонно исполняющим их. А что стало теперь? Её насильно загнали в какое-то общее пространство и превратили в раба. Теперь она должна выверять каждый свой шаг, каждое своё слово. Ошибётся – никто её не поправит и... никто не простит. Вот и сейчас она вновь взялась за дело, к которому душа не лежит. Ей ли вести разговоры по душам с Бахтияром Сафаровым! Ведь Бахтияр Сафаров на таких, как Ниса, даже краем глаза не глянет. Вся эта писательская братия-шатия для него – всё равно, что куклы, развлекающиеся игрой в буквы. Когда Нису Ахмерову назна-

чили главным редактором журнала «Молодёжь», она почему-то пришла за помощью в офис Сафарова. А ведь в Казани сотни организаций, сотни богатых чиновников... Но она возложила надежды именно на Сафарова. Человек, мол, всё-таки наш, татарин, не откажется помочь национальной прессе. А чиновник этот дальше приёмной её не пустил... Высокий худой секретарь-референт, похожий на стрекозу, выдворил её восвояси, угостив давно заученными «магическими» словами:

– Бахтияр Бариевич на серьёзном совещании! Освободится не скоро.

А теперь совершенно неожиданно её отправляют прямо в личные владения этого Сафарова. И она не может противиться тому, кто попросил её об этом. Потому что он – её бывший шеф. Вообще-то ради него она согласна даже пройти пешком хоть тысячу километров. Потому что Ильдар Шахриев протянул Нисе руку помощи в очень сложное для неё время. Впрочем... С другой стороны, и в журнал, а точнее – в рабство, она попала тоже благодаря Шахриеву. Он сказал ей тогда: «Это – твоё». Разумеется, намерения у него были самые лучшие. Он хотел, чтобы Ниса «росла». Но читателю плевать на твоё кресло: ему нужны произведения, которые бы трогали его душу! Ниса часто бывала на встречах с читателями и давно заметила – люди не разделяют писателей по званиям и подходят к тем, чьи произведения им интересно читать. А Нису Ахмерову таким счастьем судьба

никогда не обделяла.

...Да, выполнить просьбу Ильдара Шахриева было сложно.

– Слушай, Ниса, – сказал он тогда, глядя в окно, словно обшаривая взглядом горизонт. Так Шахриев обычно делал, когда заговаривал о серьёзных вещах. – Ты слышала, Бахтияр Сафаров бросил свой бизнес и сбежал в лес?

Этой новости Ниса не знала, она вообще не интересовалась судьбой тех, кто вылетел из «обоймы».

– От кого сбежал, Ильдар Шамилович? От конкурентов? От врагов?

– Да кто его знает?.. Он всегда казался умнее всех нас. А ведь мы с ним были хорошими друзьями. В руках Бахтияра была самая мощная строительная организация, заказов – море... Я так и не понял: зачем он это сделал, а?..

– Если уж вы не поняли, – сказала Ниса, – что тогда говорить о других...

– А ты не удивляйся. Порой человек закрывается от друзей, но способен открыться перед посторонним. Вы – писатели – можете видеть людей насквозь. Давай-ка ты, под предлогом, что пишешь статью для журнала, разговори этого парня... Говорят, он там ферму построил, овец разводит. Вот номер мобильного телефона фермера Сафарова...

Шахриев не любил, когда его донимали вопросами. Поэтому Ниса сказала «ладно» и, испытывая смешанное чувство удивления и растерянности, вышла из кабинета. Бахти-

яр Сафаров – один из самых богатых людей города – вдруг бросает свою прибыльную должность и начинает разводить в лесу овец?! Разве это не удивительно?.. Ну хорошо, предположим, Ниса с ним встретится. Но с какой стати этот новоявленный помещик, до сих пор на пушечный выстрел не допускавший до своих владений пронырливых журналистов, вдруг станет подробно рассказывать ей о себе?! Да-а, голова идёт кругом...

Как ни странно, трубку Бахтияр Сафаров взял сразу. Ниса не успела ещё и рта раскрыть, как услышала:

– Ты кто?

Прекрасно понимая, что для этого человека её имя ничего не значит, Ниса тем не менее ответила:

– Я – Ниса Ахмерова.

– Слушаю, Ниса.

– Хотелось бы встретиться. На вашей территории...

– Соскучилась, что ли?

– Да, – ответила Ниса, нисколько не обидевшись на иронию.

– Не знаю, как у меня сложится со временем. Подумаю. Мой человек тебе сообщит. Твой номер у меня в телефоне.

Не попрощавшись, Сафаров положил трубку. Впрочем, другого отношения к себе Ниса от него и не ожидала. А ведь она нисколько не стремилась к встрече с этим грубияном! И прекрасно прожила бы на этом свете и без всякого Сафарова. Но было неловко перед Шахриевым: решит, что она не

может справиться даже с самым пустячным его поручением.

И всё-таки в самом дальнем уголке души Нисы затаилась капелька надежды, и, выполняя свои обычные дела в редакции, выходя то в один, то в другой кабинет, она ни на минуту не выпускала из рук мобильный телефон. Эх, слишком уж она гордая! Надо было разговаривать в просительном тоне и через каждое слово повторять: «пожалуйста!» Держать себя так, будто завтра в лесу у Сафарова может случиться страшная буря, которая будет рвать деревья с корнем, а она, Ниса, может научить, как избежать этой катастрофы... Примерно в этом смысле и должен был прозвучать её недавний звонок Сафарову. Вот тогда в душе гордеца зародилась бы тревога... Ох, какая ты наивная, Ниса! Да разве под силу тебе вывести из равновесия подобных людей – высоких, как гора, и крутых, как гора!..

...В конце недели они – три девушки, точнее, три женщины, обычно плавали в бассейне. Хозяйка бассейна – Сандугач – ещё утром напомнила:

– Не забудь, что по пятницам у нас день здоровья! Бадри Саматович улетел в Москву на конференцию.

Бадри Саматович – это муж Сандугач. Чего только не проделал с собой старый чиновник в дорогих салонах, стараясь угодить молодой жене – и волосы пересадил на свою лысину, и морщины на лице и шее подтянул при помощи пластических хирургов. Поскольку Бадри Саматович часто уезжал на разные совещания и семинары, огромный, с ханский дворец,

дом почти всегда был без хозяина.

С годами многое меняется: что-то, казавшееся некогда важным, просеивается через сито судьбы и больше никогда не возвращается в твою жизнь. От чего-то ты избавляешься сам, посчитав ненужным. . . А Ниса так и не смогла расстаться с двумя своими подружками. Сандугач и Шакира были словно одной из веточек в её судьбе. Все трое учились в одном институте, на разных факультетах. Жили в одной комнате. Дружили так, что, собираясь на свидание, Шакира могла надеть Нисино платье, а Ниса – бусы Сандугач. И хотя уже тогда у каждой из них был свой нрав, свой характер, они казались равными. Но сегодня между ними разница – как между небом и землёй. От прежних наивных подружек на память остались лишь их имена: Ниса, Сандугач, Шакира. . . Уступив приставаниям девчонок, мол, ты у нас писатель, давай напиши что-нибудь про нас, Ниса завела для них особую тетрадь. Но дело это оказалось непростое, потому что она видела их насквозь! Ведь люди предпочитают, чтобы их хвалили. Наверно, это в природе человека. Ведь Аллах создал человека как своё лучшее творение. Поэтому совершенства людей – от Всевышнего, а их недостатки – результат происков шайтана. И если человеку ткнуть пальцем в его ошибки, совершённые из-за неумеренности его желаний, он кривит лицо. Ниса старалась, искренне старалась представить своих подруг ангелами, но перо не слушалось её, сопротивляясь на каждом слове. К тому же Ниса и сама не любила все ис-

кусственное и никогда не украшала свои произведения узорами да позолотой. Она догадывалась: девчонкам правда не понравится. Возможно, после этого их отношения испортятся. Она была готова и к этому. Горькая правда лучше сладкой лжи!

А ведь сколько её били за эту правду! Наверно, она из тех, кто умеет сам себе вырыть яму... Иногда следовало бы удержать правду в душе и промолчать. И Ниса молчала, но всем своим нутром сопротивлялась каждому проявлению лжи и двуличия. В то время как другие соглашались признать чёрное белым и приспосабливались к обстоятельствам, она всеми своими поступками, отношением и, наконец, пером говорила этим обстоятельствам «нет». И разве не это – самое трудное?! Ведь в такие моменты ты остаёшься один на один с этим тяжким грузом на плечах. И Вселенная не слышит твоих криков и не пошлёт тебе помощи и сил. Может, потому и живут писатели так недолго, что сгорают изнутри?..

Мобильник звонил не переставая. Девчонки, видимо, уже окончательно потеряли терпение. А Ниса задержалась и в этот раз. К вечеру коридор редакции пустел, измаявшиеся за день от безделья журналисты расходились по домам, и Ниса оставалась наедине с тишиной. Как счастлив человек, сумевший хотя бы на мгновение убежать от суеты жизни. В доме у Сандугач тоже спокойно, но там донимают подружки, которые беспрестанно молотят языком. У Нисы через некоторое время перегревались уши, и она в таких случаях ли-

бо уезжала под предлогом «дело горит», либо читала книгу, забившись в одной из дальних укромных комнат. Наверно, это было наивно. Невозможно построить дворец своего одиночества посреди бурного человеческого потока, всё равно кто-то прикоснётся, проходя мимо тебя, кто-то постучит в твоё окно, толкнётся в дверь. На худой конец, птичка сядет на твою крышу и зачирикает...

Подружки уже плескались в огромном летнем бассейне, которому могло бы позавидовать даже море. Вода, целый день нагревавшаяся под горячим солнцем, была накрыта лёгким маревом и рябила в глазах.

– Прыгай! – крикнула Сандугач.

Ниса боялась воды. Из-за этого страха она и плавать не научилась. Поэтому Сандугач обычно – «по благу» – наполняла бассейн лишь наполовину. Но сегодня каменный резервуар был наполнен до краёв!

Раздевшись, Ниса осторожно, придерживаясь рукой за металлические поручни, спустилась в воду. Она даже не заметила, как поплыла. Её мысли были полностью заполнены Бахтияром Сафаровым. Похоже, этот человек пугал её даже больше, чем опасность утонуть, и совсем затмил разум.

Подруги начали энергично махать ей руками:

– Сюда, сюда плыви!

Добравшись до середины огромного, словно футбольное поле, бассейна, Ниса судорожно ухватилась за надувной мяч. Да, пока ей рано хвастаться, что она научилась плавать. Ост-

рая на язык Сандугач тут же начала её поддразнивать:

– Вы только посмотрите, она обнимает земной шар! Отпусти, а то раздавишь!

Но сегодня Ниса не была расположена к шуткам. Её мысли сейчас были похожи на бельё, высохшее на ветру, – если сейчас же не разобраться в них и не привести в порядок, они скомкаются ещё больше. Ну хорошо, допустим, она встрети-лась с Сафаровым. Надо сделать так, чтобы с первого же её слова он насторожился. Иначе этот грубиян вполне может заявить: «Говори по существу, у меня нет времени», – и про-водить её восвояси. Какое же могущественное и особое сло-во она должна сказать, а?..

Появилась молчаливая служанка и поставила на плетёный столик узкогорлые чайнички. Завернувшись в уютные поло-тенца, женщины устроились в глубоких креслах.

– Фу, снова мята! – сказала Шакира, наморщив нос. – Сто раз было сказано, что женщинам нашего возраста полезен липовый цвет, но наша птичка, похоже, не слышит. Липа омолаживает, липа придаёт силы!

– То-то, я смотрю, в лесу все липы ободранные. Надо по-лагать, местные женщины постарались... – засмеялась Сан-дугач. Затем легонько толкнула Нису. – Послушай, товарищ главный редактор, ты язык, что ли, проглотила?.. Молчишь и молчишь...

– Писатели лишнего болтать не любят, – с авторитетным видом заявила Шакира. – Если она замолкла, значит, занята

тем, что клюёт корм – собирает материал для нового произведения о нас. Это только тебе, птичке нашей, нет разницы – что пшеница, что овёс...

Ниса ещё в студенческие годы привыкла к привычкам своих подруг. Свет им становился не мил, если они не подкалывали друг друга в разговоре. Так и не освободившись мыслями от Сафарова, Ниса тем не менее наконец обрела дар речи:

– И как это можно заявиться к человеку без какого-либо правдоподобного предложения?..

Подруги с улыбкой переглянулись.

– Что за человек, скажи сначала! – И Шакира начала делить вопрос на маленькие составляющие: – Это мужчина? Женщина? Молодой, старый? Богатый, бедный?..

– Мужчина...

– Ага, да ты в него влюблена! – сказала Сандугач, и глаза у неё заблестели. – Тебе нужен наш совет, да? Значит, сделаем так...

Но Сандугач не успела развить свою мысль, Шакира перебила её:

– Сначала мы одеваем тебя в самом крутом фирменном бутике. Делаем причёску, макияж. Так чтобы этот мужик, увидев тебя, сразу упал в обморок. Ну-ка, дай я позвоню мастеру...

– Эй, дурында, помолчи! – Сандугач шлёпнула подругу по руке. – Ты, пожалуй, оденешь – с твоим-то вкусом! Сначала сама научись разбираться в тряпках. Ей твои причёски и

макияж ни к чему. У нашей Нисы природная красота. Это только ты привыкла с утра мазать на себя семь слоёв пудры. На брови и ресницы переводишь вёдра краски. Если тебя мужики умытой увидят, перепугаются насмерть: что за обезьяна? А тебе, Ниса, мой совет: при разговоре с мужчинами будь помягче. Вы когда познакомились-то?

– Девчонки, это совсем не то, что вы подумали. Я встречаюсь с ним по делу.

– Ин-те-рес-но! – с сомнением протянула Шакира. – Только что сама говорила, что нет повода к нему заявиться, а теперь, значит, по делу...

– Ну, дело так дело! Тогда не морочь нам голову. Пойдёшь к нему и скажешь: «здрасьте!»

Сандугач плюхнулась в воду. За нею зашевелилась и Шакира. Ниса всегда была для них словно нераскрывшийся бутон. Поэтому, попытавшись, по привычке, растормошить её и не добившись успеха, они оставили её в покое. А Ниса, наслаждаясь одиночеством, направилась в сауну. Муж Сандугач, словно не желая лишний раз утруждать ножки своей молодой жены, построил сауну возле самого бассейна. Однако не успела Ниса войти в обшитую сосновыми досками парную, как в кармане оставленного в предбаннике халата зазвенел телефон. На том конце провода послышался грубоватый голос:

– Я от Сафарова. Через час буду ждать на повороте в сторону Высокой Горы, – сказал он и так же резко, как Сафаров,

отключился.

Кое-как впопыхах одевшись, Ниса устремилась наружу. Ах, если бы у неё выросли крылья, чтобы быстрее преодолеть эти километры!..

2

Сандугач, наполовину высунувшись из воды, с завистью проводила её взглядом. Ниса постоянно куда-то спешит, потому что она всегда нужна кому-то. Сандугач тоже рада была бы бежать, только в ней-то никто не нуждается... Она объездила весь мир. Благодаря богатому мужу побывала в самых красивых уголках мира, отдыхала в самых роскошных отелях. Муж кормил её райскими плодами, только что сорванными с ветки, поил дорогими винами, одевал её в шикарные одежды, но всё это не могло утолить её душевной жажды – тоски по родной деревне... Все эти красивые страны, восхитительная еда, высококлассные тряпки не стоили одного куста крапивы, росшей в её родном Кызыл Тау. Ведь там был её собственный рай. Эх, с каким бы удовольствием, накинув на плечи старенькую фуфайку и нацепив галоши на босу ногу, она прошла бы сейчас по улицам деревни... Искупалась бы в звёздах, заполнивших небо от края до края, опьянела бы от запаха трав на лугах... Сказать об этом она не могла никому, так как непременно услышала бы в ответ: «Что же ты так мучаешься, поезжай в свой Кызыл Тау и живи там».

Но это было невозможно... Все дороги, все тропинки, ведущие в деревню, были для неё закрыты... А ведь, сказать по правде, Сандугач не должна была отдаляться от деревни ни на шаг. Потому что она всем своим нутром, всей душой была деревенской. Потому и к городу не смогла привыкнуть. А ведь сколько пыталась!.. Ну, скажите на милость, что такого хорошего в этом бассейне, например?! По сравнению с прохладным ясноглазым Лебязьим озером, это же просто лужа! Поплывёшь направо – лбом в железку упрёшься, налево поплывёшь – снова те же границы. Наверно, только Нисе и Шакире этот бассейн кажется морем, потому что обе они – городские, и выросли в этом своём тесном и твёрдом панцире, словно черепахи.

– Куда опять помчалась эта Ниса, а? Хотя... когда это она перед нами отчитывалась... Пока, красотка! – Шакира, не обращаясь ни к кому, помахала в воздухе рукой.

– Не трогай её, это её жизнь, – грустно проговорила Сандугач.

– Наверно, познакомилась с каким-нибудь страшилищем чуть краше обезьяны. На Нису клюют только некрасивые мужики.

– А хоть бы и познакомилась. Нам-то какое дело...

– Ой! Ты что это поёшь, птичка? Разве мы не подруги? Мы не должны таить друг от друга даже самых маленьких секретов.

– Тебе только дай волю, Шакира, и ты разденешь человека

до самой души. Так нельзя, подружка. Душа – это тебе не капуста, в ней слоёв гораздо больше...

– Да? Ты так считаешь?.. – Шакира подняла вверх полные руки. – Раз-два, раз-два... Слушай, говорят, что гимнастика в воде способствует похудению... Сандугач, ты иногда бываешь очень странной. Когда мы поступили в институт, нам было всего по семнадцать лет. Я что-то не пойму: ты, птичка, похоже, успела до этого полетать в греховном саду, да?.. Раз-два, раз-два...

– Я пошла в сауну... – Сандугач вышла из воды, с её длинных волос водопадом стекали струи. Дверь парной была открыта. Ниса очень торопилась... Вообще-то она аккуратная. Значит, торопилась... Куда? К кому? Не всё ли равно? Зачем Сандугач знать её тайну? У неё и собственная чаша полна до краёв. Почему в последние годы она всё сильнее тоскует по деревне? И эта тоска не только усилилась, теперь она стала нестерпимой и терзает сердце. Ну что, что она потеряла в этом Кызыл Тау?! Если бы она знала, то послала бы туда на поиски хоть десять человек. Ах, если бы она знала!.. Вот эта самая неизвестность и мучила её.

Сандугач ковшиком плеснула воду на раскалённые камни. Пар опалил её мокрые от слёз щёки. Всё чаще ей казалось, что и из груди у неё торчит раскалённый камень. Иногда, в моменты, когда тоска становилась совсем невыносимой, кто-то словно распинаял на этом камне её чувства и сжигал заживо её сердце... Она полюбила неправильно! Оказывается,

бывает и любовь по ошибке, которую уже невозможно исправить, и она будет с тобою всю жизнь, подобно горбу на спине, и не выпрямится, сколько ты её ни приглаживай и ни растирай. Оказывается, любовь – это кому как повезёт... Кто-то ведёт ей счет: одна, две, три... десять-двадцать, а Сандугач сгорела в огне одной-единственной своей неправильной любви... Её израненное и обугленное сердце так и не оправилося.

Зазвенел телефон. Обернувшись в покрывало, женщина вышла в предбанник. Звонила прислуга – дальняя родственница её мужа, «седьмая вода на киселе», которая жила у них в доме. Безмолвная, словно тень, Рокия в жизнь «молодых» не вмешивалась, мыла, готовила, убирала, а вечерами, уединившись в своей каморке, вязала шаль.

– Слушаю, Рокия-апа, – сказала Сандугач.

– Тут у ворот мужчина. Твой Бадри шофёра искал, вот он самый и пришёл. Мне открывать, что ли, пустить его?

– Но ведь Бадри Саматовича нет дома. Не буду же я за него выбирать шофёра!

– Так ведь шофёр-то не для него, а для тебя. Он уж, бедняга, третий раз приходит.

– Мне шофёр не нужен, Рокия-апа. Я и сама умею рулить!

– Так ведь Бадри боится, что ты куда-нибудь врежешься...

– Рокия апа, давай не будем за меня переживать, ладно?!

По деревенской привычке Сандугач разговаривала громко. Действительно, хоть она и прожила в городе немало лет,

деревенские привычки не оставили её. Но Сандугач и не стеснялась этого. Разве это – недостаток? Конечно, нет. Человек, выросший на свободе и никогда в жизни – ни дома, ни у себя во дворе, ни в лесу не испытывавший чувства тесноты, не станет разговаривать шёпотом.

– Ты чего орёшь? – В дверях сауны возникла Шакира. – Кого ругаешь? От твоего крика на улице воробьи с проводов попадали...

Сандугач нажала на кнопку телевизора.

– Там кого-то сватают мне в шофёры. Хочешь, тебе отдам.

– Молодой?

Они вдвоём уставились на экран. От ворот, сгорбившись, уходил какой-то мужчина.

– У-у, но это очень древний экземпляр! Из бронзового века, – сказала Шакира, щёлкнув языком. – Смотри, смотри, еле ноги волочит... Зачем тебе ещё один старик? Мало того, что в доме имеется?

– Я же говорю: это тебе, Шакира, тебе.

– Хе, умная какая! Мне, значит, можно и старика, да? Спасибо, птичка ты наша!..

Сандугач ещё раз посмотрела в спину удалявшегося человека. Он показался ей чем-то неуловимо знакомым. Когда-то она знавала одного, который так же шаркал при ходьбе ногами. Она до сих пор помнит его...

– Что-то у нас сегодня не заладилось с отдыхом, – ворчливо сказала Шакира. – Ниса сбежала, эта шофёров себе под-

бирает... Сейчас пару раз проплыву из конца в конец и – тоже домой.

Уговаривать подругу Сандугач не стала. Если нет Нисы, то с Шакирой у них обычно не клеилось. Только Ниса, как смола, могла соединять их друг с другом. Ради приличия Сандугач предложила:

– Бассейн твой, плавай на здоровье.

– В другой раз пообщаемся как следует. Ты, птичка, меня не провожай. Я ещё поем горячих блинчиков Рокии. Этот вкусный запах долетел даже сюда... – Запрокинув руки вверх, Шакира с удовольствием потянулась. – Как хорошо! Ты, птичка, хотя бы понимаешь, что живёшь в раю?

Сандугач не стала отвечать. Потому что не смогла бы никому объяснить, что творится в её душе. Кому – рай, а кому-то – ад...

Ну почему в этой сауне газовое отопление? От этого воздух сухой и невкусный. Надо будет сказать Бадри Саматовичу: пусть закажет каменную печь, чтобы топить берёзовыми дровами. Ради молодой жены он, конечно, сделает всё. Хотя нет... кое-что он сделать не сможет. У него не хватит сил заставить её забыть деревню. Ведь до сих пор не хватило. Характер жены – как расстроенная гармонь: как ни пытайся попасть в такт её мелодии, всё равно не угадаешь. А потом ведь деревенскую душу трудно чем-то завлечь и обмануть. На первый взгляд она кажется простой и бесхитростной, но, по сравнению с городскими, она – всё равно что лес дрему-

чий. Иногда и сама запросто в этой чаше заблудишься...

Впервые приехав в Казань на экскурсию ещё подростком, в возрасте десяти лет, Сандугач была поражена красотой города. Вечерами на улицах зажигались яркие фонари... На каждом шагу продают мороженое... А в магазинах чего только нет! Но... куда ни ступишь – везде асфальт. На лицах людей, суетливо бегающих вокруг, – выражение какой-то отрешённости, в глазах – муть безразличия. Через дорогу перейти страшно – на огромной скорости на тебя несутся машины... К тому же и учительница предупредила их: «Ночью в Казани опасно» и, с вечера загнав их в гостиничные номера, уложила спать. Именно таким Сандугач и вплела каменный город в полотно своей памяти и, вернувшись домой, дала себе клятву: «Буду жить в деревне». Когда ей исполнилось тринадцать, она два дня вела уроки в первом классе. Случилось так, что мама заболела и утром не смогла подняться с постели. Сандугач, недолго думая, напрямик пошла в её класс. Это самоуправство маленькой «учительницы» в педколлективе осталось незамеченным. Но первоклашки с тех пор на большой перемене с завидным постоянством начали собираться возле неё, а она устраивала с ними игры, вместе пела, танцевала. Когда Сандугач перешла в одиннадцатый класс, её мать умерла... Всё, что осталось после неё в кабинете – цветы, стопки тетрадей, которые она проверяла, исписанная белым мелом доска – всё здесь было пропитано теплом и светом её глаз. Вынести это было невозможно, и девочка то и

дело плакала... «Ты заменишь свою маму, – сказал директор. – И, даст бог, будешь учиться заочно в институте...»

В начале сентября к ним в школу прислали нового учителя труда. Это был невысокий голубоглазый парень. Точно так же, как мороз рисует на стекле замысловатые узоры, так и годы «поиграли» на лице этого человека. Однако, хотя и повзрослевший раньше времени, Авзал был живым и подвижным, словно ртуть. Он сразу же организовал в школе несколько кружков; в один из них – кружок баянистов – записалась и Сандугач. Сначала в группе их было пятеро, потом ряды поредели: кому-то было лень ходить, у кого-то, как оказалось, медведь на ухо наступил... Так и вышло, что девочка осталась одна в этом мире музыки. И она уже была пленницей Авзала... До самой ночи в школе не гас свет и звучали протяжные, томительные переливы гармонии. А Сандугач заучивала мелодии быстро...

– Не зря же тебя называли именем благородной птицы, – подбадривал её Авзал. – Ты не должна играть плохо, душенька Садриева! Посмотри, какие у тебя изящные пальчики, как они легко бегают по клавишам гармонии... – Превознося её до небес, Авзал частенько старался погладить девушку по руке.

...После смерти матери Сандугач жила со своей тётёй – Хайриёй. Однажды та не выдержала и сделала ей замечание:

– Не пристало молодой девушке каждый день торчать до ночи в школе и терзать гармонию. В этом году, дочка, у тебя

экзамены, почитала бы лучше учебники...

– У меня успеваемость хорошая, тётя.

– В этом я не сомневаюсь. Коли ты в мать пошла, то винтики в твоей голове не заржавеют. Однако, дочка, ты намёка моего не поняла... Этот Авзал, хоть и учитель, но прежде всего – мужчина. По нашим обычаям девушкам запрещается оставаться наедине с мужчиной. Может, он ещё и женат.

– Я не спрашивала, тётя.

– А ты спроси, дочка. Женатые мужчины – они вдвойне опаснее. Так что давай-ка ты с этого дня занимайся музыкой дома. Вон, вся деревня с вас глаз не спускает. Всех интересуется, что вы ночью делаете в школе.

Девушке не хотелось ругаться с тётей. Сейчас она уже играла достаточно хорошо. Мелодии, которым научил её Авзал, с каким-то особым волшебным звучанием сочались из мехов гармони и рвались наружу.

Встретившись на следующее утро с учителем в коридоре во время перемены, девушка сказала:

– Авзал-абый, дайте мне какое-нибудь задание на дом, я в кружок, наверно, ходить больше не буду...

Воровато оглядевшись по сторонам, парень зашептал:

– Что ты говоришь, душенька Садриева! Я умру без тебя! Ты – моё единственное утешение в этом бесприютном мире. Люб-лю-у!..

Щёки Сандугач зарделись, словно вечерняя заря, корни волос вспыхнули огнём. На уроке она едва дышала. Любовь

всегда жила в её мечтах... И она всегда была далеко-далеко... Но вдруг оказалось, что любовь – рядом с нею... Она смотрит на неё из синих глаз влюблённого в неё человека, который шепчет ей: «Люблю...»

К вечеру Сандугач заболела. Всё тело горело, кости ломило. Тётя Хайрия то и дело прикладывала к её горячему лбу смоченное в холодной воде полотенце, а девочка уже бредила наяву:

– Говорит, что любит... Что умрёт...

Вечером к ним в дом постучался Авзал. Но тётка не пустила его дальше порога:

– Сандугач болеет, говори, что надо...

– Вот, принёс ей гармонь, потому что её уже очень старая. – Голос у Авзала был неуверенный, словно он чувствовал за собой вину. – А она завтра придёт в школу?

– Если выздоровеет, то придёт, – жёстко ответила женщина. – Сколько стоит твоя гармонь? Сейчас отдам деньги. Не люблю оставаться в долгу.

– Не издевайтесь, это же подарок...

– Подарок?! Что ещё за подарок ребёнку?! – разгорячилась хозяйка. – Ты, парень, давай тут воду не мути, ладно? Вали отсюда со своей гармонью!

А после Сандугач стонала, царапая подушку:

– Почему ты его прогнала, тётя?! Почему?!

– Ещё бы его не гнать! Что это он ходит возле тебя, как кот вокруг сметаны?.. Ты что же, думаешь, что этот твой красав-

чик весь из себя такой чистенький? Наверняка проныра три раза был женат и разведён...

Кто первым впишет своё имя в чистую тетрадь любви неопытной девушки – тот и станет её хозяином. Авзал в этом вопросе оказался примером скорости и сообразительности. Он, словно ветер, проник в душу Сандугач, и одну за другой отомкнул все дверцы в её сердце. На следующий вечер, услышав под окнами надрывные звуки гармонии, девушка рванулась на улицу. Тётя Хайрия только и успела крикнуть ей вдогонку:

– Бог с тобой, ты куда, ненормальная?!

Перекинув гармонь на правый бок, Авзал порывисто прижал Сандугач к груди.

– Выздоровела, душенька Садриева?..

– Ну да, простудилась, наверно... – схитрила девушка, пытаясь выбраться из его объятий. Ей почему-то было ужасно стыдно.

Тем временем тётя зажгла во дворе свет.

– Пошли в переулок! – Парень потянул Сандугач за собой, но тут послышался сердитый голос Хайрии:

– А ну-ка, домой!

Спорить с тёткой перед посторонними было бы неприлично, и Сандугач, переполненная недовольством, была вынуждена вернуться. Однако дома она дала волю чувствам:

– Мне семнадцать лет, тётя! Уже семнадцать! Ты что, хочешь засолить меня впрок? Все девчонки встречаются с пар-

нями, общаются, никто дома за занавеской не сидит!

– Ты тоже общайся! Но зачем тратить время на таких скользких типов?! Что, разве нет подходящих ребят в классе?

– Кто это мне там подходит? Кто?! Кривоногий Гамир? Или тупица Гараф, который даже по складам читать не научился?..

– Ну и что, дочка, ничего в этом такого нет. Жизнь их сама всему научит. А такие, как Авзал, – всё равно что дерево с гнилой сердцевиной – ты от него зелёных листьев не жди. Я человека понимаю по глазам и по словам...

– Я тоже понимаю, – заспорила Сандугач. – В Авзала все влюблены. А вот он ни на одну не смотрит, любит только меня.

– Эх, дочка, такие, как он, способны заговорить самого чёрта, – а уж на что чёрт – хитрый пройдоха! А ведь серьёзный мужчина никогда конфетничать, мол, «люблю, сю-сю», не станет...

Разумеется, тётя остановить её уже не могла. Сандугач словно сошла с ума. Это было какое-то странное чувство. Оно затмило разум и стало командовать сердцем: теперь дыши, думай, смейся, ходи так, как велю тебе я... Но, как ни странно, девушка была согласна на такое рабство.

И хотя она каждый вечер не твердила, как Авзал, «люблю», но вся – изнутри и снаружи – была пронизана невидимыми нитями любви. И как ни старалась Сандугач скрыть

свои чувства, запрятать их за семью печатями, вскоре их отношения уже были известны деревне: и то, какие ветры веют между ними, какие планы строят эти двое – всё это, разбухая, как на дрожжах, уже открыто выплёскивалось в уличных пересудах. «Авзал строит новый дом... Мастера работают и в снег, и в метель, потому что к лету Авзал посватается к Сандугач... Сама она учится в институте на заочном, работает в школе... В одной семье будет две гармонии, так что если даже поссорятся, то не страшно: сыграют вместе да и помирятся...»

Девушке было приятно слышать даже сплетни...

3

Наевшись вдоволь блинчиков с мёдом, Шакира сухо поблагодарила:

– Спасибо.

Можно было, конечно, добавить: «Очень вкусно», но женщине не хотелось доставлять прислуге такого удовольствия. У Шакиры и так много тех, перед кем приходится подлизываться. Их даже слишком много. Порою язык устает молотить: «Ах, вы такой!.. О, вы сякой!..»

– На здоровье, – ответила Рокия, также не прислуживаясь. Ей расшаркиваться и вовсе резона не было, поскольку её хозяйка – Сандугач.

Шакира лениво поднялась на второй этаж – в спальню хо-

заяв. Умеет же устроить свою жизнь эта птичка!

Щедрый старикан все свои богатства бросил к её ногам. Да к тому же он ещё и начальник. И не абы какой, а самый большой! В недалёком будущем всё его имущество, все эти сокровища будут принадлежать Сандугач. И вот тогда... тогда она сможет иметь самых шикарных мужиков... Кстати, о мужиках... Странно, почему Сандугач хранит верность своему дедушке и не хочет развлечься с красивыми мужчинами, а? Ведь руки-ноги у неё не связаны, и она вполне свободна. Муж, обременённый государственными заботами, не станет следить за своей благоверной. Эх, не умеет Сандугач жить! Другая бы на её месте прыгала от счастья, а эта – всё время грустит и думает. Скоро совсем пожелтеет от тоски. Но... сдаётся мне, что наша птичка что-то скрывает. Возможно, Нисе она что-нибудь и рассказывает, ведь Ниса ей ближе... Хоть Сандугач и уверяет, что мы обе её подруги, но Шакиру она всё-таки держит на расстоянии. Сандугач – сама себе хозяйка, так что причин для грусти у неё вроде бы нет. Ребёнка нет – значит, нет лишних забот. Вот у Шакиры есть сын – бестолочь, замучил уже. Сколько денег на него перевела, сколько лет за границей его обучала, а он грамма ума не нажил. Ну ладно, дочь-вертихвостка выскочила замуж за нищего и теперь тщетно пытается изображать из себя семейную даму. Сколько твердила ей Шакира: «Не глупи, зачем тебе голодранец, найди себе богатого». Не послушалась. «Девушки сами мужчин не выбирают, пока предлагает – пойду», –

ответила дочь. Но сыну-то что мешает?! Ведь ему, обормоту, его счастье уже практически на блюдечке принесли!

Зазвенел сотовый телефон.

– Золотце моё, я у ворот, – произнёс глухой голос.

– Жди! – отрывисто сказала Шакира. Вот ещё один оборванец припёрся на своём старом драндулете. Для Сандугач муж хочет нанять личного шофёра, а Шакире приходится ездить со всякой голытьбой. Три года назад она как-то познакомилась с одним типом... На первый взгляд он показался ей денежным мужиком – хороший костюм, шикарная иномарка... А потом обнаружилось, что мужик этот явился в костюме своего друга и на его машине. Шакира узнала об этом через три дня. Что поделаешь, такова была её судьба: ей всегда встречались те, у кого в кармане гулял ветер. А богатые мужики даже краем рукава не касались её. А ведь она такая страстная женщина! Где уж там другим соперничать с нею!

Шакира довольно долго простояла перед зеркалом, подкрашивая лицо. Говорят, что после водных процедур кожа лица должна отдохнуть. Но это правило не для неё: без краски Шакира не покажется даже воробью за окошком. И там, в машине у ворот, её поджидает, хоть и заваливающий, но – мужчина. А он пусть ждёт, пусть! Таких женщин, как Шакира, целую жизнь прождать – и то в самый раз будет!

Женщина растянулась на кровати, покрытой шёлковым покрывалом. Пусть ждёт! Ах, как хорошо!.. Умеет же жить Сандугач! Вроде бы и на лицо так себе, как же ей удалось так

быстро подцепить такого крутого?.. Ой, что это я тут разнежилась и забыла обо всём! Ведь мне ещё надо пообщаться с сыном.

Она провела рукой по смятому покрывалу. Дорогой шёлк тут же податливо разгладился под ладонью.

...Адель старательно чистил стёкла своей обшарпанной машины; увидев её, он широко улыбнулся и шагнул навстречу:

– Как дела, золотце?

– Как всегда. Ты свою колымагу хотя бы раз мыл по-человечески? – Шакира брезгливо села на переднее сиденье.

– Ты же видишь, золотце, я постоянно её протираю!

А Сандугач, между прочим, муж подарил иномарку. Шакира вдруг вспомнила этот огромный, похожий на слона, чёрный автомобиль в гараже, и сердце её задрожало, а внутри само собой начало разбухать необъяснимое раздражение к этому суесящемуся вокруг неё человеку.

– Чёрт бы тебя побрал... Даже приличной машины у тебя нет. Тоже мне, любовничек выискался...

Адель предпочитал с ней не спорить. Ведь мужчине для уверенности нужны положение в обществе и деньги. А так – держась за руль «шестёрки» и работая «научным сотрудником» с окладом в три тысячи – весьма сложно заставить женщину подчиниться. И зачем Шакира теряет с ним время? За три года пользы от него было – на три копейки, правда... на рыдване своём возит. Когда ей нужно, то отвозит и

привозит. Э-эх, если бы на её пути попадались стоящие мужики! А ведь они вполне могли бы ей встретиться! Но из-за сына-упрямца она никак не может реализовать свою мечту! У дочки её начальника нет парня. Правда, дочка эта старше Эдуарда на семь лет.

Но дело не в её паспортных данных, а – в богатстве. Богатства у этой девицы столько, что при каждом дуновении ветерка с её подола сыплется золотой песок... Ах, если бы сладилось с дочкой начальника, Шакира нашла бы способ подобрать ключик к дверям высшего общества. Это было её сладкой и тайной мечтой. И вот тогда благоухающие дорогим парфюмом «толстосумы» в дорогих костюмах наконец-то заметили бы её существование на земле.

– Ты что-то без настроения, золотце, – сказал Адель. – Бассейн, что ли, был холодный?

– Да.

Шакире не хотелось разговаривать.

– Тогда поедем к нам! У мамы всегда чай на столе.

– С какой стати мне туда ехать?

– Интересная ты, золотце. Разве мы с тобой не муж и жена?

Женщина удивлённо воззрилась на спутника.

– Сначала покажи бумагу, которая бы это подтвердила!

– Но мы же совершили обряд никаха, золотце. Если этого недостаточно, завтра же распишемся. Я готов!

«Что я – дура, чтобы из-за тебя, голодранца, пачкать свой

паспорт? – подумала Шакира. – Если сын женится на Гультаре, я с такими, как ты, даже ходить по одной дорожке не стану».

Мужчина, видимо, приняв молчание Шакиры за согласие, продолжал плыть в потоке слов:

– Поставим в саду баньку. Будешь париться берёзовым веничком с душицей. Летом с мамой будете солить огурцы и помидоры... Варенье варить из смородины и вишни...

«Разве для всего этого непременно нужна законная жена? Ох, идиот...»

– Я не умею, – сказала Шакира.

– Мама научит, не бойся!

– Делать мне больше нечего, кроме как в земле копаться, как червяк! Ты, кажется, забыл, каким отделом я руковожу.

– Не забыл, золотце! Шакира Сафиевна – начальник экономического отдела. Дни и ночи она считает, от чего у неё ум за разум заходит. Поэтому ей полезно немного покопаться в земле. Земля через кончики пальцев вытянет из тебя всю дурную энергию.

– И потом от этой моей плохой энергии на грядках завянут все огурцы да помидоры, да? – начала заводиться Шакира.

– Прости, золотце, я не в том смысле. – Адель притормозил машину у обочины. – Ну, не обижайся, золотце моё!..

«Вот попробуй теперь задобрить меня, придурок!» Женщина собралась посидеть в отместку с надутым видом, но внезапно вспомнила об Эдуарде:

– Ладно, ладно. Прощаю. Только отвези меня быстрее домой!

Заспешила, словно сын в течение ближайших минут мог улететь на Луну. Однако оказалось, что он, как всегда, сидел, уткнувшись в свой ноутбук. Широко шагая, чтобы не споткнуться через протянутые по полу провода, Шакира подошла к сыну и встала за его спиной.

– И что ты ищешь на этой развратной помойке?

– Пишу письмо Нэлли. Не мешай, мама.

– Ты совсем спятил, дурак! – Женщина порывисто схватила сына за плечо. – Нашёл себе какую-то американскую потаскушку и совсем не замечаешь наших девушек! Не надоело каждый час строчить ей? Давай, вырубай свою коробку! Сегодня в восемь вечера дочка шефа устраивает выставку ювелирных изделий. Это мне по секрету сообщил референт Азамата Азатовича. Прекрасный повод познакомиться, сынок. – Голос Шакиры смягчился. – Ты высокий, красивый, умный. Не зря же учился в трёх странах. Скоро семь, быстро одевайся! Я сейчас такси вызову.

– Не дави, мама! У меня нет времени трепаться с девушками о пустяках, я к экзаменам готовлюсь.

– Что ещё за экзамены?!

– Мы с Нэлли уезжаем на учёбу в Китай.

У Шакиры вдруг закружилась голова, и она чуть не упала.

– Что-о?!

– На Россию, словно саранча, наступают китайцы. Скоро

они населят весь земной шар. Татары не рожают, русские – тем более, а китайки рожают не менее десяти детей каждая. Так что мы будем хотя бы учить маленьких китайчат. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы твой сын остался без работы?..

– Если китайцы захотят жить у нас, то им придётся научиться говорить по-нашему, балда! Куда они денутся без русского языка!

– Этот язык доведёт только до Москвы, мама. А дальше в нём почему-то уже не нуждаются.

Эдуард всегда разговаривал с некоторой иронией. Шакира сама виновата. Она всегда мечтала о загранице и ещё совсем маленьким отправила сына на край света. Первый самостоятельный урок выживания мальчик получил в Австралии, затем в поисках более комфортной жизни он уехал во Францию, затем в Америку... Теперь выясняется, что образование, полученное сыном на маменькины денежки без особых усилий и без честно пролитого пота, не прибавили ему ни грамма ума...

– На кой чёрт тебе эти китайчата, дурак?! Гульнара просто купается в деньгах. Богатства Азамата Азатовича хватит даже внукам его внуков. А ещё у него горы ценных бумаг!

– Не завидуй чужим деньгам, мама!

– Если ты женишься на Гульнаре, это будут не чужие деньги! Наши они будут! – в сердцах выкрикнула женщина.

– Мама, тебе что, денег не хватает? Я в Китае буду учиться и работать, помогу тебе.

– Ты думаешь, что тебе там приготовили работу? Они потому и прутся к нам, что у себя дома голодают! За горсть риса ты хозяину ресторана десять дней будешь полы мыть.

Невзирая на то, что сын окончил три института, в словесных поединках всегда побеждала Шакира. Но по части упрямства с Эдуардом тягаться было сложно.

– Мама, мы с Нэлли уже договорились. Через несколько дней встречаемся с нею в Китае...

Стрелки часов неумолимо приближались к восьми. Женщина схватилась за волосы:

– Не отпускай девчонку из рук, тупица! – Из глаз её, размазывая тушь, потекли слёзы. – Я ему счастья желаю, а он упорно ползёт к нищете. Послушай, сынок... – Она смягчила тон (может, так сможет воздействовать на сына?). – Послушай, родной, в обществе идёт резкое разделение: и мы сегодня уже не одним миром мазаны, как прежде, теперь откуда-то с глубин поднялся слой дворян, появились аристократы. Сформировалась так называемая элита. Твои деды-прадеды были только килькой. Рабочим классом, я имею в виду... Так что нам нужно облагородить род, надо как-то общаться с элитой, сынок.

– Кто тебе мешает, мама, общайся, пожалуйста! Ты же сама талдычишь, что у нас демократия.

– Глупый, голодранцев – будь они голубых кровей хоть в седьмом колене, – элита в свои ряды не пускает!

– Значит, сами они – необразованные мужланы, мама.

Вот тебе и ответ... Ну почему этот умный и начитанный мальчик с тремя дипломами не понимает её?! Почему?! Но Шакира от своего так просто не отступится!

4

...На повороте она снизила скорость. Высокий широкоплечий богатырь уже ждал её.

– Оставь машину и пересаживайся ко мне. Я – помощник Сафарова, – сказал мужчина.

Ниса посмотрела в сторону сотрясавшегося от грохота трактора. И куда зовёт её этот человек? Землю пахать, что ли?

– Дорогу в лесу развезло, машина не проедет, пусть ваша тачка здесь постоит.

– Какой умный, – сказала женщина. – Это же государственная собственность.

– И кто, интересно, позарится на это страшилище, сестрёнка?

– Да хотя бы разберут на металлолом.

– Ну, тогда возьмём на буксир! – Богатырь тут же достал цепь и привязал «страшилище» к трактору. – Как дождь пройдёт, так дорога в лесу, считай, никакая...

Взрыв гусеницами землю, трактор устремился вглубь леса. Ниса тут же невольно зажмурилась – ей показалось, что ветки, то и дело хлеставшие по лобовому стеклу, вот-вот уда-

рят её по лицу...

– И что тут нашёл Сафаров?

– Этот вопрос к хозяину...

«Хозяин»... В обществе нарождается ещё один новый класс. Хозяева земли, хозяева воды... Впрочем, их уже сегодня не счесть.

– Если тебе нужна информация обо мне – пожалуйста. Зовут Айдар, прозвище – Сорока. Родом я из деревни Рахмат-Алан, она тут неподалёку от леса. У нас в деревне только и остались, что одна русская старушка с придурковатой внучкой да пять стариков-татар. Я был женат, но первая жена заявила, что ей в деревне скучно, и сбежала в город. Тогда я женился во второй раз, но другая жена тоже... сбежала. Хе, они говорили о какой-то цивилизации... А я вот не променяю лес ни на какой замечательный город...

– Сафаров тоже так считает?

– Мы с ним об этом не говорили. Он – хозяин, а я – всего лишь исполнитель его приказов.

Словно в насмешку над своим прозвищем Сорока, богатырь всем своим поведением демонстрировал нежелание стрекотать лишнее.

Но Ниса – хитрая лисица, а потому, чтобы приманить сороку, искусно сыплет ей корм:

– А как вы познакомились с хозяином?

– Да как познакомились... Сначала он построил хутор. Потом фермы. Сам особо тут не светился. Я тогда тоже толь-

ко поглядывал на него издали. А потом он приехал к нам в Рахмат-Алан и предложил всем, кто хочет, работать у него. Мы двое и нанялись к нему – я да тётушка Анна – бабушка той юродивой девчонки. А стыдиться – чего тут стыдно-го-то? Какая разница – гнуть спину на государство или на отдельного человека?.. Сафаров – мужик справедливый, не ругается, рукам воли не даёт. Жёсткий, правда, очень. Порядок любит. Настолько, что выпрямил бы все кривые да горбатые деревья в лесу, если бы мог.

Дорога оказалась длинной. Лес был словно океан – сколько ни плыви, а конца-края не видать. Хотелось выключить этот ревуший и рвуший когтями землю трактор и насладиться тишиной леса. Казалось, что эта тишина пропитала собой ярко-зелёные, нежные от влаги листья, растеклась, как топлёное масло, по коре дерева, на котором стучит дятел, каплями повисла на скупых солнечных лучах, просочившихся между стволов сосен...

– А я ведь поинтересовался, как мои жёны устроились в городе. Я-то думал, что им удалось схватить своё счастье за рога... – Айдар продолжал рассказывать о своём. – Оказалось, что первая работает уборщицей в мужском общежитии. Короче говоря, убирает окурки и всякую блевотину. Вторая сидит в крохотном киоске, похожем на скворечник, и продаёт всякую дребедень. Расчёски, салфетки, косметику разную. Говорит, что хозяин три раза на дню является и орёт на неё, мол, почему торговли нет. Если не делает плана

– ей урезают зарплату. И это ваш хваленый город!.. Здесь по крайней мере свобода!

– У тебя тоже есть хозяин.

– А я всё равно свободный, потому что живу на своей земле. Если Сафаров прогонит – буду выращивать картошку, заведу скотину. Мы рождены не для того, чтобы ковыряться на городских помойках. Я тут на днях хозяину предложил, мол, в Казани полно молодых мужиков-бомжей. Давай соберём их, привезём сюда, вымоем-вычистим да работу дадим. Ты, говорю, справедливый, труд оценивать умеешь... Но он ответил: «Не трогай их, им такая жизнь по душе». Но что же тут может нравиться? У меня вот, человека из деревни Рахмат-Алан, понять это мозгов не хватает. Всевышний только птицам не дал дома, воды и пищи. Поэтому птица ночует на каком-нибудь кустике, а потом, не умывшись, летит искать корм. Но человек так жить не должен...

Ниса не стала смеяться над наивной философией Айдара. Потому что она и сама приехала в этот лес, чтобы получить ответ на очень простой вопрос.

Дорога неожиданно завершилась большой поляной.

– Что это за хозяйство? – спросила Ниса, кивнув на рядами стоящие здания.

Парень выключил трактор.

– Дальше траву портить нельзя.

– Постой, парень, постой! Мне нужно к Сафарову.

А ты мне какой-то колхоз показываешь.

– Так это и есть его хозяйство, сестрёнка. Хозяин мелочиться не стал и строил сразу капитально. Во-о-он там наш Рахмат-Алан. Если заскучаешь по телевизору или радио, приходи к нам, у Сафарова их нет. Он даже столбы не стал ставить для всяких там антенн. Чудак-человек!

Отцепив машину Нисы от буксира, он поставил её под сень деревьев.

Здания были похожи друг на друга, как близнецы.

– И где, интересно, кабинет Сафарова?

– Кабинет? Везде! Он – как ветер, веет отовсюду. Я тебя сейчас передам его помощнику по бумагам. Товарищ, наверное, как всегда, в конторе. – Парень указал на дом, сложенный из толстых сосновых брёвен. – Там прячется, неженка. Бойтся, что лесной клещ вцепится или комары кусают.

Дверь открылась не сразу, – Айдару пришлось довольно долго стучать.

– Не понятно, зачем запирается, товарищ? – проворчал парень. – Украдут тебя, что ли, из конторы?

– Не конторы, а офиса, деревенщина!

– Ты, товарищ, не груби, а встречай гостя!

На диване полулежала длинноногая девушка, появление Нисы никак её не заинтересовало, она продолжала сосредоточенно пилить ногти и, не отрываясь от своего занятия, сказала:

– Иди, Кабиров, познакомь её с хозяйством! Только не фотографировать! Это приказ Бахтияра Бариевича.

А я скоро улетаю, через полчаса прибудет вертолёт.

На лице Нисы отразилось недоумение.

– За экскурсию спасибо, но у меня мало времени. Побеседую с Сафаровым пятнадцать – двадцать минут – и достаточно.

– А хозяина нет. Час назад он вылетел из Казани в Австралию, по проблеме овец, – сказала длинноногая, зевнув.

– А вы ничего не путаете, как вас там... девушка? Сафаров сам назначил мне встречу на сегодня.

Девушка похлопала искусственными ресницами.

– Да я и сама удивляюсь. Обычно Бахтияр Бариевич всяких там журналистов на пушечный выстрел к хозяйству не подпускает. Почему это он вас пригласил, а?

А у Нисы уже испортилось настроение. Мужчина, который не держит своего слова, был ей неприятен. Да уж, видать, смена обстановки несколько не меняет сути человека и чиновник всегда остаётся чиновником!

– Ты, товарищ, чего к ней-то пристаёшь, она же тут не при чём! – Богатырь тоже начал заводиться. – Зачем пригласил, видите ли! Пригласил, и всё тут! А Сафаров всё равно вернётся же когда-нибудь. Завтра же вернётся он из этой Австралии. Сейчас у нас век космоса, за полдня можно вокруг земной шар облететь.

– Да кто тебе говорит, что не вернётся, тупица! Только вам, дама, придётся подождать, ничего не поделаешь... Если хотите убить время, то можете пока вот с ним походить да

пересчитать овец и коров. Но только складывать и умножать цифры придётся вам самой, потому что этому тупице – что три, что четыре...

Лицо Айдара покраснело и пошло пятнами.

– Здесь очень душно, окна закрыты, – пробормотал он и, схватившись за ворот рубашки, выскочил на улицу.

Длинноногая брезгливо помахала ему вслед листком бумаги:

– Фу, мужиком всё пропахло!

Ниса знала женщин подобного рода. Попав на службу к начальникам самого высокого ранга, такие высокомерные выскочки способны по части выпендрёжа переплюнуть его самого.

– С какой стати ты, сестрёнка, парня унижаешь?

– А почему он издевается надо мной и называет товарищем? Мы что, с ним вместе революцию делали, что ли? Меня даже тётя Анна называет уважительно Айнур Ниловой!

– На вертолёт не опоздай, – сухо сказала Ниса. Продолжать спорить и доказывать девушке, что она не орлица, а воробыха, было бы глупостью.

...Итак, получается, хозяин, новоиспечённый помещик, пригласил её и бросил на произвол судьбы. Ну что же, наверно, удивляться этому не стоит. А вот то, что человек такого уровня, как Сафаров, полетел на край света в связи с какой-то проблемой овец – вот это уму непостижимо! Ведь ещё совсем недавно он был самым богатым человеком, кото-

рый мог решить любую проблему, лишь потыкав пальцами в кнопки телефона. Только безумец способен поменять свою золотую ложку на деревянный черпак.

– Ты давай, занимайся своим делом, а я тут похожу сама, посмотрю, – сказала она Айдару. Тот, похоже, всерьёз был задет оскорблениями «Айнур Ниловны» – лицо его всё ещё было красным. Потерев щёки, он возразил:

– Некрасиво это будет, сестрёнка. Да и заблудиться ты можешь.

– Не заблужусь. Мне у вас, наверно, ночевать придётся, да?

– В большом доме комнат много... – Парень невесело пошвыстел. – Почему я тоже не сделан из такого же теста, как и они, а, сестрёнка?

– Из какого теста?

– Вон, из какого этот товарищ... Из меня начальник ни за что не получится, ей-богу! Так я и не научился красиво говорить. Пытаюсь голос сделать звонким, а он, проклятый, сползает обратно в горло. Потому что мы – деревенщина. Навоз. А начальству нравятся такие помощники, как этот товарищ. Ведь не гонит же он её, мол, ты грубая, невоспитанная. Хотя... к нему-то она умеет подлизываться. Щебечет, согнувшись чуть ли не пополам, эта дочка Нила. Это деньги её так пригибают, деньги! Сафаров ей очень хорошо платит. Позволяет ей передвигаться только на вертолёте. Но только такие, как она, бывают ненадёжными. Если кто-то посулит

им больше денег, они сразу перевернутся к нему. Предатели! – разгорячился парень, но тут же словно очнулся: – Фу, ну я тоже хорош, ещё мужиком называюсь, а о бабе сплетничаю! Тьфу, вот баран!.. Ну, сестрёнка, с чего начнём путешествие? Государство тут у нас большое, границ не видать...

– Начнём с тебя! – усмехнулась Ниса. – Почему ты не хочешь быть самим собой, почему завидуешь другим?

– Ты что же, как тётушка Анна, тоже станешь убеждать меня, что Всевышний создал людей разными и только могила сравнивает всех?

– Но ведь жить, спрятавшись в искусственную оболочку, очень трудно, согласишься?

– Начальству именно такие и нужны.

– Сафарову тоже?

– Нет, вообще-то он – мужик правильный. Сначала я сомневался. Думал, что он хочет заработать на продаже леса. Вы посмотрите, какие у нас сосны! Японцы, если бы это увидели, рыдали бы от зависти. Но хозяин лес рубить не стал, а на больших лесных полянах сначала построил фермы. Но и тогда сомнения у меня ещё оставались. Ну, думал я, это он нам пока мозги пудрит, а потом откроет тут развлекательный центр – притон, по-вашему, повезёт девушек. Организует азартные игры, начнёт доить доллары. И потянутся сюда из города бритоголовые и широкоплечие богачи... И действительно, Сафаров начал возить. Но только не девушек, а породистых овец и коров. Технику завозил. Вспахал заросшие

сорняками поля, засеял их. Вы бы видели, как радовались старики, которые испокон веку твердили: «это наша земля, это основа всей нашей жизни...» Но разве вам, городским, понять проблемы деревни?.. А ведь хочется, чтобы деревня моя, Рахмат-Алан, жила, разве можно заталкивать её живьём в могилу?!

Ниса сняла туфли. Идти в шпильках по траве было совершенно невозможно.

– Продолжай! – сказала она. – Продолжай, пожалуйста.

Всякое слово, касавшееся Сафарова, было для неё ценно. Может, ей удастся из всего услышанного подобрать ответ на вопрос, который сейчас не даёт покоя Шахриеву?.. И тогда ей не придётся тут торчать и ждать возвращения из Австралии этого таинственного Сафарова...

– Деда моего, когда узнали, что прозвище у него – «Сорока», не взяли в разведку, – Айдар показал направо. – Нам сюда. Дед всегда говорил нам: «Не забывайте, кто вы есть». А ты, сестрёнка, чем занимаешься-то? Надеюсь, не с проверкой какой-нибудь?..

– Я писатель.

– Писатель?! Да ну! Разве вы ещё не вымерли, как мамонты?! Тогда, значит, рядом с тобой языком-то молотить особо не стоит. А то потом напишешь в каком-нибудь произведении, что Айдар Кабиров трещал, как сорока, хе-хе...

По траве побежали лёгкие волны, листья деревьев зашелестели как-то по-особенному.

– Прибыл вертолёт для нашего товарища, – сказал Айдар. – Подумать только, сколько денег тратит на неё хозяин! Говорят, что один полёт в Казань стоит чуть ли не пяти коров... Значит, каждый раз, когда вертолёт поднимается в воздух, с фермы «улетают» пять коров.

– А ещё говорят, что ты не умеешь складывать и умножать.

– Нужда заставит, сестрёнка.

– Меня зовут Ниса.

– Значит, Минниса. Половину имени тебе отрезали...

... Действительно, «кабинет» Сафарова – вся эта огромная, бескрайняя территория – был словно отдельное государство. Вскоре ступни Нисы уже горели, в глазах начало мельтешить. А в голове всё перемешалось: овцы, здания, люди, деревья...

Солнечный жар тем временем спал, воздух наполнился влагой, стало зябко. Ниса обнаружила, что не прихватила с собой тёплую кофту. Ну кто же думал, что придётся ночевать в лесу!

Внезапно из кустов выскочила взлохмаченная девушка и вцепилась в Нису:

– Он мой! Убирайся, сейчас же убирайся!

– Отпусти, Сандра!..

С большим трудом, но Айдару всё же удалось оторвать девушку от её жертвы...

...Да, ей было приятно слышать даже сплетни о себе. Авзал по праву мог быть назван одним из самых лучших мужчин на этой земле. Слава блестящего гармониста распространилась быстро и вскоре вся округа начала приглашать его на свадьбы и различные торжества. Авзал не пил и плату за свой труд брал деньгами. Через некоторое время он поставил возле своих ворот новенькую «шестёрку». Теперь его авторитет в деревне удвоился. Парень цену себе знал: не желая утруждать свои пальцы бесплатно, он уже не играл ни в школе, ни в клубе. Впрочем, молодёжь его и не просила. На танцах теперь играла Сандугач – и как играла! Вместе с мелодиями она, похоже, рассыпала и остатки разума. Девушка словно ослепла. Внутреннее чутье покинуло её. Иначе разве возможно было бы так потерять голову из-за любви?! Однажды вечером Авзал позвал её в свой новый дом. Мол, давай посмотрим наше общее гнёздышко. Войдя вовнутрь, он не стал зажигать света и сразу жадно потянулся к девушке. Доверяла ему Сандугач, очень доверяла... И хотя эта ночь, эта воровская ночь, когда у неё словно украли что-то самое сокровенное, оставила свой чёрный след в её душе, всё же дни, которые их ждали впереди, казались ей белыми и чистыми, как облака... Скоро, совсем скоро они поженятся... Скоро она станет невестой и, следуя обряду, повесит в доме жениха

новые занавески...

...После последнего экзамена Сандугач зашла в учительскую. Стучаться она не стала, потому что уже давно была здесь своим человеком. Ведь совсем скоро она сама начнёт учить детей!

Авзал сидел рядом с учительницей по имени Гелюса, обняв её за плечи и тычась носом в мочку её уха:

– У-у, что за духи приятные, милая?

– Так ведь сам подарил мне на день рождения, милый...

Сандугач покашляла. Обернувшись, Авзал увидел её и грубо сказал:

– Сначала, Садриева, надо попросить разрешения войти. Ты пока ещё только ученица.

И он твёрдыми шагами вышел из учительской.

На мгновение Сандугач потеряла дар речи. Что это?! Почему Гелюса и Авзал называют друг друга милыми?! Навивная девочка, едва сдерживая слёзы, наполнившие глаза, спросила учительницу:

– Гелюса-апа, почему вы разрешаете ему так вас обнимать?

– Садриева, тебе только что сказали, что ты – ученица. Ты что, глухая? – Гелюса поправила причёску. – Совсем стыд потеряла!

– А вы не потеряли, Гелюса-апа?

– Ты, Садриева, в бутылку не лезь! Застрянешь! И прекрати бегать за Авзалом. Сама подумай: что ему делать с та-

кой малолеткой, как ты...

Сандугач, чья душа и так была измазана чернотой ночи, проведённой в доме Авзала, чуть ли не простонала:

– Не вставай между нами, Гелюса-апа, миленькая, ради бога, не встрейвай! Он любит меня!

А Авзал с того дня начал нарочно избегать её. На выпускном вечере учителя от души веселились со старшеклассниками на поляне в лесу, но Авзала среди них не было. Не было там и Гелюсы... А Сандугач не могла уже ни играть, ни радоваться. Какую бы мелодию она ни начинала, на сердце становилось только горше.

Когда праздник закончился и они, наконец, вернулись в деревню, уже рассветало. Тётя, успевшая к тому времени подоить корову и проводить её в стадо, племянницу жалеть не стала и сообщила ей прямо в лоб:

– Авзал женился, на Гелюсе... Вечером перевозил её вещи. Ну и накопила же приданого эта старая дева! Там и посуда, и телевизор, и холодильник...

Только вчера тётя Хайрия разобрала в бане печь, и во дворе высилась груда камней. Глотая слёзы, девочка наполнила ими два ведра. Затем подцепила ведра коромыслом и прямо босиком пошла по росистой тропинке на другой конец деревни. Всё её существо находилось сейчас во власти гнева, душа была переполнена проклятиями и желала немедленной расправы. Подойдя вплотную к решётке знакомого дома, Сандугач начала швырять камни в окна. Со звоном по-

сыпались стёкла... Внутри дома началось движение, послышалась мужская ругань, женский визг... Через мгновение на улицу выскочил Авзал в широких белых штанах и сильным ударом опрокинул наземь обезумевшую девушку. Соседки, провожавшие стадо, подняли Сандугач, её нос и рот оказались в крови. Кто-то, пожалев, начал протирать ей травой лицо, кто-то громко бранил, были и те, кто, развеселившись от увиденной картины, громко смеялся.

А вечером к ним в дом пришёл директор школы и отругал её:

– Знаешь, Садриева, если начнёшь бить окна каждому, кто тебя бросил, то стекла на всех не хватит! Чего только не случается между молодыми людьми. Да, бывает – не женятся, бывает – замуж не идут, но такой дурости, как ты, никто не делает. Я, заметь, Авзала Салимовича вовсе не защищаю. Он своей гармонью молодёжь-то распустил тут. Но не может ведь он жениться на всех сразу, в конце концов! Ну скажи, какая ты теперь учительница? И кто не побоится отдать тебе своего ребёнка, а?! В этом году я собирался дать тебе первый класс, но родители отказываются: «К Садриевой не пойдём». Они считают тебя припадочной. Ещё скажи спасибо, что Авзал Салимович не написал заявление в милицию.

– Потому что не может он заявить, – проговорила Сандугач сквозь рыдания.

Директор не понял смысла её слов. А девушка объяснять не стала...

– Я детей не обижаю, я их люблю! – Сандугач обеими руками ухватилась за последнюю надежду. – Дайте мне, пожалуйста, первый класс!

– Без согласия родителей, Садриева, тебе даже котёнка никто не доверит! Не надо было тебе бить окна и топтать репутацию учителя.

...Мучительно разрывая нити, связывавшие всё её существо с деревней, Сандугач сделала шаг в сторону неизвестности. Да, впереди неё громоздилась окутанная туманом неизвестность. Вступительные экзамены в Казанский государственный университет Сандугач сдала на «отлично», без особых сложностей устроилась в общежитие, однако всей душой чувствовала, что городская жизнь – не для неё. Да ещё, как назло, её соседки по комнате – Ниса и Шакира – оказались городскими девушками. Их семьи жили в старых бараках, поэтому по ходатайству деканов обоих факультетов им пошли навстречу и выделили места в общежитии. Ниса училась на журналиста, Шакира – на математика, Сандугач – на биолога. Некоторое время им пришлось привыкать друг к другу, ведь у каждой был свой характер, свой нрав. И всё же к прямодушной Нисе Сандугач вскоре почувствовала особое расположение. А Шакира была скрытной, к тому же, подобно артисту, играющему в пьесе одного актёра, любила перевоплощаться в разные образы. Сначала она замучила Сандугач обидными прозвищами вроде: Картоха, Лапотница, Валенок, Мочалка. Но Ниса вскоре отучила её от

этой плохой привычки. Ну а на прозвище Птичка Сандугач не обижалась. Ведь она и в самом деле была птицей, только крылья у этой птицы были опалены. А иначе она обязательно слетала бы навестить родную деревню. Тоска по ней снедала душу, больно толкалась в сердце. По выходным соседки уезжали к родителям, а Сандугач безутешно плакала, беззвучно билась головой о стену и плакала... Кажется, Ниса о чём-то догадывалась и несколько раз пыталась вызвать её на откровенный разговор. Она была старше Сандугач на три года, и, наверно, перед ней можно было, не опасаясь, вскрыть плотину своей тайны, рассказать и освободиться от этого тяжёлого груза. Но разве Сандугач смогла бы это сделать?! Ведь позор-то какой! Вот они, хоть и живут в городе, а не позволили парням обмануть себя. Наверняка им попадались ребята и поопаснее Авзала...

Прошло пять лет, и раны на сердце Сандугач немного зарубцевались, только деревню забыть было невозможно. И по ночам она по-прежнему бредила деревенскими улочками, родником и речкой...

Однажды на улице Баумана Сандугач лицом к лицу столкнулась с младшей сестрой Гелюсы. Встреча эта была столь случайной и маловероятной, что, договорись они специально, и то не получилось бы так. Решив, что девушка не должна отвечать за поступки своей старшей сестры, Сандугач приветливо поздоровалась с землячкой.

– Я в школе преподаю, мне нужны татарские сказки, – ска-

зала Нажия. – Чтобы детям на уроке читать. Где можно купить?

– Давай я тебе покажу!

– А у тебя время есть?

– Есть, конечно! Сегодня лекций не будет. Готовимся к госэкзаменам...

В магазине девушки долго и с удовольствием выбирали нужную книгу.

– Спасибо тебе, – сказала Нажия. – Как бы я без тебя разобралась в этой Казани?.. Ещё и на автобус могла опоздать.

Сандугач проводила её на вокзал. А там в какое-то мгновение ей вдруг показалось, что от её сердца вот-вот отколет-ся кусочек её деревни. Не забыта она, не забыта... Но Сандугач не стала ни о чём спрашивать. Бьют ли ещё чистой водой родники в их деревне? Не обмелела ли речка? Как поживают соседи, живы-здоровы ли? Ни о чём не спросила... А коснуться словом, даже нечаянно, Авзала – ей было противно.

Но, уже стоя одной ногой на подножке автобуса, Нажия вдруг сказала:

– Этот... ну, Авзал... сестру мою бросил. Этот кобель на свадьбе в соседней деревне познакомился с какой-то шлюхой из Елабуги. У него в каждом районе по жене. Сестра плачет... До свидания, Сандугач.

Новость девушку не обрадовала. И хотя Гелюса когда-то украли у неё счастье, Сандугач сейчас не радовалась. Ах, как переменчива судьба! Никогда нельзя заноситься своим сча-

ствием, потому что в любой момент ты можешь остаться у разбитого корыта. Как радовалась учительница тому, что ей удалось заполнить Авзала...

Автобус уже отъезжал, когда Нажия приоткрыла окно:

– Послушай, Сандугач, если Авзала случайно к тебе ветер занесёт, ты уж, ради бога, прогони его! Сестре трудно одной растить детей...

«А кому тут легко?» – мысленно возразила Сандугач. Ей тоже было тяжело. Она бы вот сейчас, если бы могла, прихватила бы книги, села в этот автобус и тоже поехала в свою деревню. Но это невозможно... Её подошвы намертво прикреплены к городскому асфальту. А в горле, выжимая из глаз слёзы, горчит закопчённый воздух.

...С самого приезда в Казань Сандугач ни разу не встретила на улицах города своих односельчан. Наверно, так Всевышний спасал её?.. Каждый из знакомых мог случайно заговорить о беспутном Авзале или несчастной Гелюсе и разбередил бы её раненое сердце.

...Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь... Неужели так звенят в её ушах воспоминания? Неприятные воспоминания... Ах, да, это Рокия. Обычно, когда у неё есть дело, она звенит колокольчиком, который носит в кармане.

– Ты что-то долго паришься, милая. Не перегрей голову, – послышался через дверь голос служанки. – Там Бадри звонил. Спрашивал насчёт шофёра.

Сандугач вытерлась, собрала мокрые волосы в узел на за-

тылке.

– Я одному удивляюсь, Рокия-апа. Почему Бадри Саматович не звонит прямо мне, а ведёт переговоры через тебя? Словно что-то тут не так...

– Я, милая, умею терпеливо его выслушать. Не перебиваю, не спорю. А вы, молодёжь, сразу заводитесь, потом долго остываете. Мужчин надо нежить и холить, они – очень мягкие существа.

– Тётушка, милая моя, откуда тебе – ни разу в жизни мужчины не выдавшей! – знать, мягкие существа эти мужчины или твёрдые?!

– Почему не выдавшей? Видала, слава Аллаху.

Застеснявшись, Рокия опустила голову вниз.

Пять лет Сандугач ела из рук этой женщины, но ни разу не удосужилась поинтересоваться её личной жизнью. Впрочем, служанка и сама была человеком замкнутым. Целыми днями она незаметно, как мышка, занималась хозяйством, а вечером пряталась в своей комнатке.

– У тебя, милая тётушка, может, и муж есть?

– И есть, и нет...

– Развелись, что ли?

– И да, и нет.

– Расскажи о муже! – Просьба Сандугач прозвучала как приказ.

Рокия испуганно отшатнулась.

– Ни за что, хоть убей! И зачем тебе, милая, знать о моём

муже?

– Он что, сидит в тюрьме за преступления?

– Не-ет, это святой человек, который и мухи не обидит. Ой, как бы у меня там пирог не подгорел! Бадри сказал, что он уже недалеко от Казани. Я хотела к его приезду приготовить какую-нибудь мужскую еду. Ты тоже, милая, давай укладывай волосы и надевай красивое платье. Чтобы встретить мужа из командировки во всей красе.

И не капризничай, что тебе не нужен шофёр. Нервы мужу пустяками не трепли, сейчас таких настоящих мужчин, как он, днём с огнём не сыщешь, милая.

6

...Нет, Шакира так просто от своей цели не отступится.

– Ага, так тебе, значит, теперь китайцы понадобились?! На мамины деньги вырос, на мамины деньги выучился... Что же ты, придурок, тогда не бросился в ножки этим косоглазым?! Живо одевайся! – Из шкафа полетела одежда. – Вот этот песочный костюм, наверно, подойдёт. Золотистый цвет освежает. Ещё бы! У этого костюма и цена солидная! Я в него вложила половину своей зарплаты. Ты, мальчишка, должен сначала вернуть мне свои долги. А для этого камень тесать не надо, следует всего лишь жениться на Гульнаре. Азамат Азатович, между прочим, и сам о тебе спрашивал. Говорят, что конский хвост хорошо смотрится на теле жеребёнка, мо-

жет, и шеф мечтает выдать свою засидевшуюся в девушках дочку за такого порядочного, как ты, свежего парня? Который не испорчен наркотиками, не знает, что такое венерические болезни... Некоторые высокопоставленные люди ищут себе именно таких зятьёв, а потом сажают их в кресла начальников. Одевайся!

Эдуард не шелохнулся. На его лице читалось безразличие.

– Одевайся, тебе говорят!

На этот раз Шакира буквально заорала. И только тут Эдуард словно «проснулся».

– Эх, мама, мама! Что с тобой случилось, мама?! У тебя от этих мыслей о богатстве сердце скоро не выдержит, а меня будут обвинять в твоей смерти. Хорошо, я пойду на эту вашу выставку, но только ради того, чтобы присутствовать. На другое ты меня не склоняй, ладно?

– Слушай дальше и заруби себе на носу, – начала Шакира, делая ударение на каждом слове. – Не топчись в сторонке, словно убогий, а когда будешь рассматривать золото, приблизься к объекту, то есть к Гульнаре. Не ленись, разговори девушку, засыпь её комплиментами. От похвалы женщины просто тают... Потом останься на фуршет, попроси номер её мобильного!

Времени оставалось мало. Женщина позвонила Аделю.

– Ты далеко? Где? Поворачивай назад! Эдуарда пригласили на престижную вечеринку. Отвезёшь его. Только к самому входу не подъезжай, высади на другой стороне улицы. А

то увидят, что парень разъезжает на такой машине – вообще уважать перестанут.

Подталкивая копошащегося, словно черепаха, сына в спину, Шакира наконец выставила его за дверь. Пробыл час! Наконец-то впервые пробили часы её счастья! Эдуард очень красивый, так что любая принцесса легко потеряет от него голову. Гульнара сама кинется ему на шею. И пусть какие-то там американские метёлки, всякие нэлли-мэлли, разжиревшие на гамбургерах, даже не мечтают о таком принце. Не для того Шакира растила своего сына, чтобы он сейчас полл сорняки на рисовых полях в Китае.

Душа, охваченная радостным ожиданием, наполнялась им, как шар, и возносила женщину всё выше и выше. Теперь она могла плевать с облаков на землю. На чьи-то головы... «Ха, раньше ты со мной не считалась, мадам фу-фу, вот тебе за это, тьфу! Тебе, наверно, было очень удобно в кресле заместителя, да? Помнишь, как ты кричала на меня? «Проверяй все цифры ночи напролёт, работай!»

А сама неслась в салон красоты. В самый дорогой салон...»

До самого рассвета сидела Шакира, сгорбившись над своими цифрами... Так что отныне считать будешь ты, мадам фу-фу! Когда шеф посадит меня, свою сватью, на твоё место, а тебя отправит в отдел, ладно? Хотя... с таким богатством Шакира, наверно, и не станет горбиться на казённой работе. Сколько казанских салонов красоты её ждёт! Да, Сандугач

уже давно пора щёлкнуть по носу. Вкусно ест, красиво одевается, разъезжает в иномарках.

А Ниса? Как бы поквитаться и с нею? Хотя... насчёт Нисы надо хорошенько подумать. Она – писатель, и её очень уважают. Когда говоришь: «Я – подруга Нисы Ахмерово́й», порой даже не верят! Как будто Ниса – жительница другой планеты!

А Эдуард! О чём он говорит?! «Что с тобою сделалось, мама?!» Как будто Шакира взяла и в одночасье превратилась из невинного ангела в рогатую чертиху. Эх, сынок, это жизнь изменила твою маму. Впрочем, в ней и раньше, в молодости (хотя нет, уже в детстве!), горело сильное желание «жить хорошо». Шакира завидовала некоторым своим одноклассницам. Они жили в просторных квартирах, а семья Шакиры задышалась в бараке. Её родители, оба рабочие, не видели способа выбраться из этого курятника. Наоборот, совершая молитву, оба в конце обычно добавляли: «Благодарим тебя, Всевышний, за то, что есть». А ведь их соседи, не жалея сил, бегали по различным инстанциям и вскоре один за другим переехали в новые дома. В их барачные каморки – в эти спичечные коробки – набились всякая шваль да оборванцы. И живи теперь с ними! Нюхай эту вонь и спотыкайся о мусор! В общежитии тоже оказалось не лучше. Её постоянно упрекали: «Ты – казанская, почему ты занимаешь место, выделенное деревенским?» Видеть она уже не может эту деревенщину, тошнит её! Они цепкие и наглые. Бедный го-

рожанин до конца жизни мучается в своей старой квартире, а деревенские через два-три года после приезда в город вселятся в самые хорошие дома. Эта мадам фу-фу – тоже деревенская курица. А строит из себя! Словно выросла она не на мелкой беспородной картошке, а на чёрной икре. И хоть в ушах у неё сверкают бриллианты, на шее – золотая цепь толщиной с палец, и пусть она носит платья из натурального шёлка, сшитые парижскими модельерами, – всё равно всё в ней кричит: «Я – деревенщина!»

Закончив университет, Шакира сунулась в первую же школу, которая попала ей на пути. Другого выхода у неё не было. Директор с плоским, словно у лягушки, лицом, сразу обрисовал перед ней «блестящую перспективу»:

– Зарплата – три копейки. Контингент – истеричные дети богатых родителей. Давай дерзай!..

Вскоре «мужика-лягушку» отправили на пенсию. Вот тут-то Шакира и загорелась, ох как загорелась. Почему бы ей не сесть в директорское кресло? Пословица «кто смел, тот и съел» имеет весьма глубокий смысл. Во-первых, в случае успеха увеличивается зарплата, во-вторых, ты становишься главным и приказывать будешь ты, в-третьих – в твоём распоряжении оказываются карманы богатых родителей.

Пока девушка сгорала изнутри этими тайными мыслями, им неожиданно назначили нового директора – молодого парня. Его звали Хикмет и он... был деревенским. Учительский коллектив был переполнен старыми девами... Все глаза ока-

зались теперь нацелены на Хикмета. И надежды тоже... Но Хикмет увидел Шакиру – и всё. А она уже не могла позволить себе ломаться. Раз директорское кресло не досталось самой, так пусть в нём восседает хотя бы её муж. Ведь деньги всё равно будут в её распоряжении.

До женитьбы Хикмет казался деловым человеком, но когда его впрягли в семейную арбу, выяснилось, что он просто-напросто мерин. Он не смог везти свой груз и оказался не в силах заставить работать других. Коллектив немедленно сел ленивому мерину на шею. А вот её – дуру, которую угораздило родить от этого недоумка двоих детей, – ей-богу, убить было мало! Шакира начала срочно исправлять свои ошибки. Махнув рукой на школу, записалась на бухгалтерские курсы. Затем заочно окончила финансово-экономический институт. Но самой её большой ошибкой оставался Хикмет. Она понимала: если не развестись с ним сейчас, пока дети маленькие, потом будет поздно – дочь и сын пожалеют отца. Шакира дала мужу безжалостного пинка под зад... Двухкомнатная квартира принадлежала Хикмету, однако добрый деревенский недотёпа не стал ничего требовать и, взяв чемодан, тихо ушёл. Ох, как скучали по нему дети! Из-за их плача: «папа, папа...» у Шакиры полголовы поседело. Иногда к ней в голову даже приходила недопустимая мысль: а может, вернуть его назад? Но сколько раз ни запрягай мерина, который не в силах тащить, телега жизни с места не сдвинется, и нищета, скаля зубы, всегда будет стоять

рядом.

А так в её руках оказалось самое лучшее оружие – свобода. Можно было ловить богатых мужиков, вытягивать у них деньги, можно было, надавив на жалость («дома – двое сироток!»), слегка поправить своё материальное положение... Шакира была красивой. А молодость – сама по себе клад. Детей она с трёх лет начала отправлять в разные лагеря и дома отдыха. А сама вечерами... вечерами «зашибала денюгу». Ну, разумеется, не так, как уличные женщины. Огонь в очаге одинокой женщины взмывает до небес. Желających погреться у очага Шакиры было много, но это и стоило дорого. И если те, у кого карман не пустовал, задерживались в её квартире на пару дней, то бедные старались поскорее улизнуть, не в силах выдержать такие расходы. Одно было странно – мужчины никогда не предлагали жениться на ней. Однажды она завелась и попыталась одного затащить в загс, но потерпела неудачу. Тогда из мести Шакира начала приходить к нему в офис, затем вызвала ужасный скандал, позвонив его жене и сообщив, что она – любовница её мужа... Наконец, мужчина, устав от преследований, через своих знакомых устроил её на работу в одну очень богатую организацию. Здесь Шакира начала получать такие деньги, о которых раньше даже мечтать не смела.

Теперь любовники ей были не нужны, она была сыта, одета-обута, и уже можно было отбросить личину «несчастной женщины» и начать приговаривать, как её покойная мать:

«слава Аллаху»... Но избалованный рот, познавший вкус денег, требовал: «ещё, ещё!» И хотелось более хорошей квартиры, более роскошной шубы, отдыха за границей... Желаний становилось всё больше с каждой минутой. Организация, где она работала, была прибыльной: большие и круглые числа приятно щекотали ей сердце и ласкали душу. А однажды... однажды ей выпало счастье поговорить с самим шефом. По приказу этой мымры – заместителя шефа – Шакира осталась поработать с документами. Было около девяти вечера. Вдруг скрипнула дверь. Мамочки, так это же сам шеф!..

– Вы что, во вторую смену работаете? – спросил он.

– Чтобы не потерять место, я готова работать даже ночью, – ответила Шакира и тяжело вздохнула. – Если я лишусь работы, кто будет кормить моих детей? Муж бросил нас. Что делать, приходится выкручиваться...

Слёзы, приготовленные специально для этого случая, с тихим стуком начали капать на бумаги. Как мастерски играла свою роль чертовка! Любой артист мог бы позавидовать!

– А как у вас бытовые условия?

– Старая квартира... Со старой мебелью...

– Ладно, не переживайте. Нас мама тоже растила одна. Горечь сиротства мне знакома. Что-нибудь придумаем. Зайдите завтра ко мне...

На следующий день добросердечный начальник предложил ей тут же, у него в кабинете, написать заявление на получение новой квартиры. Затем достал из сейфа увесистый

конверт и протянул ей:

– Лично от меня вашим детям. В случае затруднения не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне.

– Спасибо, спасибо, – скромно ответила Шакира.

В реальности же такое качество, как скромность, в арсенале Шакиры отсутствовало напрочь. Однако она предпочитала не лезть напролом, как делали другие. Потому что знала более сильное средство, чем скромность. Если настроить голос на волну несчастного, незащищённого создания, напустить в глаза слёз, давить на жалость и сочувствие, то можно растопить сердце любого начальника.

Теперь она уже не была той прежней девочкой из барака. Однажды Шакира имела глупость поехать туда, уступив просьбам сына показать ему место, где он родился. Мальчик с интересом пошёл внутрь здания, а она, содрогаясь от омерзения, осталась стоять на улице. Не реагируя на ахи и охи узнавших её соседей, не дрогнув ни одним мускулом на лице, она равнодушно смотрела издали на покосившееся и сгнившее здание. Вон там их бывшее окно... Видимо, теперь там живут алкаши: виднеется рваный край посеревшего от копоти тюля...

Вернувшись, Эдуард сказал:

– Мама, надо бы раздать садаку.

Внушила-таки её покойная мать своему внуку уважение к религии!

– Они эти деньги всё равно пропьяют, сынок.

– Но, мама, там есть и старушки! Одна – как наша бабушка, молитвы читает.

– На уж! – Шакира со злостью сунула в ладонь сыну мелочь. – На!

...«Все по одной дорожке ходим»... – утешают себя некоторые. Как бы не так! Разными бывают дорожки, разными! Есть гладкая дорога, выложенная деньгами. Есть ухабистая и трудная дорога. Только извилистая горбатая тропинка на кладбище у всех одна и та же. Но до неё ещё есть жизнь. И кто же станет бездействовать, мол, «всё равно помирать»?! «Ты слишком жадная к богатству», – говорит ей Ниса. Зави-и-дует! Потому что сама – голая, как лесной шурале.

Вот потому-то и не делится Шакира своими мыслями с подругами. Завидуют! Если она сообщит им, что хочет сосватать сыну дочку шефа, подруги начнут мотать ей нервы: «Чего тебе ещё не хватает?!» А вот не хватает! Когда её красавчик Эдуард женится на Гульнаре, тогда, может быть, она будет довольна. Её сыну даже стараться особо не придётся. Надо только влюбить в себя девушку! Это первое и последнее, что он должен сделать. Влюблённая женщина – как нитка, вдетая в иголку, – привязана навеки.

Хоть и падала от усталости, но спать Шакира не ложилась. В двенадцатом часу вернулся Эдуард. За ним в дверях показался и Адель.

– Я на улице ждал, в сторонке, – сказал мужчина, поймав сердитый взгляд Шакиры. – На улицах полно шпаны. Дай,

думаю, провожу парня. Человеку, который живёт за границей, наша страна, наверно, представляется каким-то адом. Спокойной ночи всем!..

Шакира оттеснила мужчину к двери:

– И тебе того же, и тебе!

В столовой Эдуард намазывал на хлеб чёрную икру.

– Ты что, сынок, проголодался? А что фуршет?

– Народу было невпроворот.

– Конечно, к богачам народ прёт. Это тебе не выставка какой-нибудь там живописи... Ну давай, сынуля, рассказывай подробно.

– Шеф у тебя – отличный человек. Умный, короче. Интересно только, зачем он дочке своей во всём потакает?

– А вы что, с Азаматом Азатовичем встретились, что ли?

– Ну да. Он тоже был на выставке.

– А что Гульнара? – голос Шакиры ухнул в глубину, как летит в колодец оторвавшееся от цепи ведро.

– Прикольная девушка.

– Ну, ну?!.. Телефон у неё взял?

– Мама, – Эдуард не спеша проглотил хлеб. – Мама, она, оказывается, хромая.

– Ну и что!

– И горбатая.

– Ну и что! – Лицо женщины позеленело. – Нам нужны её деньги! А у денег физических недостатков не-е-ет! Деньги не бывают горбатыми и хромыми! Они стройные и красивые!!!

В ярости Шакира шагнула к сыну...

7

...Днём с огнём не сыщешь, да, не сыщешь... И пусть учёные не изводят себя исследованиями и дискуссиями: мужчин мало, и в будущем в «Красную книгу» первыми попадут они, а не женщины... Следовательно, если встретишь суженого – борись за своё счастье. Природа жестока: она мстит, лишая женщину возможности выбирать. Поэтому всё больше становится в мире несчастных женщин, печальных женщин. А Сандугач в очередь за счастьем встать больше не захотела. Её очередь уже прошла. Так она считала сама. Она решила, что все мужчины похожи на Авзала. Ей казалось, что в сердце каждого из них прячется измена. Но её соседки по комнате так не считали. Сначала Шакира вышла замуж за директора школы, затем Ниса... На свадьбах обеих подруг Сандугач пела и танцевала, и обеих... жалела. Когда и кому мужчина приносил счастье?! Подружки, сочувствуя её одиночеству и думая, что она втайне страдает, то и дело находили ей новых ухажёров, но Сандугач всех заворачивала. Ведь она уже сделала себе прививку от болезни под названием «мужчина», и теперь не боялась заразиться любовной лихорадкой.

Проработав пятнадцать лет биологом в школе, Сандугач устроилась на работу в городской центр по озеленению. И

здесь ей совершенно неожиданно... улыбнулась любовь. Это была любовь к цветам. Вот это было настоящее чувство! День и ночь она ухаживала за цветами, как за детьми, и благодарила их за то, что они украсили её серую жизнь. Душа деревенского человека и сама схожа с цветником. Может быть, Сандугач хотела, чтобы в её сердце рядом с любимыми луговыми цветами выросли и городские цветы, и тогда её сад избежит высыхания и увядания?.. Может быть, так и было...

Когда в стране началась нехватка денег, многие предприятия начали торговать своей продукцией самостоятельно, чтобы хоть как-то наскрести людям на зарплату. В один из дней Сандугач тоже отправили на улицу торговать саженцами цветов. Голодному люду – что цветы, что мусор – всё едино! Мимо неё нескончаемо текла равнодушная толпа. Если майское солнце опалит и без того поникшие бутоны, цветы потеряют свой товарный вид...

Не успела Сандугач об этом подумать, как у края дороги остановилась чёрная машина, и из неё выкатился коренастый, невысокий мужчина. Он был довольно упитан, но лёгок в движениях. Стремительно пролетев расстояние, разделяющее их, он встал возле ящиков.

– Продаёшь, сестричка?

– Продаю. Недорого.

– За деньгами-то дело не станет, сестричка... – Он задумался. – Но чтобы посадить это, нужны женские руки. Я пока дома один. Рокья в больнице на лечении. Кого же попро-

силь – вот проблема...

«Чистоплюй, боится руки в земле испачкать», – подумала Сандугач.

– Вам сколько нужно цветов?

– У нас это каждый год, традиция... Рокия будет переживать, если земля засохнет, – сокрушался между тем крепыш. – Мы, сестричка, в мае на могиле моей жены сажаем цветы. Вот уже пятый год.

Сандугач придирчиво осмотрела блестящие ботинки «чистоплюя», на которых не было ни пылинки. Наверно, сидит в какой-нибудь «фирме» и шуршит бумагами. Если бы лопатой работал, то не стал бы делать трагедии из посадки цветов.

– Хотите, я помогу?.. – И Сандугач взялась за самый большой ящик. Какая муха её укусила – она и сама не успела понять. Это всё опять та самая деревенская привычка: если кто упал – помоги подняться, плачет – утри ему слёзы...

Вот так она познакомилась с Бадри Саматовичем. Но знакомство это должно было стать заведомо коротким. Цветы на могилу посажены... Мужчина доволен: он исполнил свой долг перед какой-то Рокией. Впрочем, покойная – его собственная жена, так что долг у него прежде всего перед ней. За свою помощь Сандугач денег не взяла. По этому поводу они даже поспорили немного. Кладбище, по мнению Сандугач, было не тем местом, где можно зарабатывать. Но упрямый Бадри Саматович, желая её отыскать, на следующий день явился прямо в центр по озеленению.

– Как-то неудобно получается, сестричка. Я себя ощущаю каким-то эксплуататором. Мне хотелось бы как-то отблагодарить тебя за цветы. Давай вечером поужинаем в ресторане. Я, кстати, тоже деревенский, – сказал он. – Часов в шесть сможешь?

Сандугач, сражённая наповал словом «деревенский», от приглашения отказываться не стала. После ухода её гостя весь «центр» почему-то загудел, как пчелиный рой, а сотрудники начали бегать из комнаты в комнату. Главный инженер, проносясь с выпученными глазами по коридору, чуть не сбил Сандугач с ног. «Вагитов где-е-е?!» – заревел он. О боже, неужели, пока она разговаривала с Бадри Саматовичем, какой-то матёрый бандит по фамилии Вагитов ограбил «центр»?!

Дверь в её кабинет распахнулась. На пороге возник бледный инженер.

– Говорят, Вагитов у тебя, правда? – спросил он. – Как уж там тебя по отчеству?..

– Бакиевна я. Нет, нет, Вагитова я не видела. Я тут со своим знакомым, Бадри Саматовичем, общалась. А что он украл?

– Ох, Сандугач... как там тебя, Бакиевна, ну и шутница ты! – Лицо главного инженера расцвело. – Нас посетил такой большой человек... Что же ты нам не свистнула заранее, а? Мы бы стол хороший приготовили. Эх вы, женщины!..

Сандугач всё более недоумевала. Но ведь это был все-

го-навсего Бадри Саматович! Почему все так всполошились?
– Сандугач Бакиевна, пиши заявление. Переводим тебя на должность заведующей отделом, – хлопнул в ладоши главный инженер.

Сандугач удивилась и этой излившейся на неё щедрости. Такая внезапная перемена в поведении начальника, который до сих пор поручал ей самую чёрную и неблагодарную работу и не упускал случая унижить её при каждом удобном случае, было более чем удивительно. Однако тут её взгляд случайно упал на визитку, которую Бадри Саматович оставил на краешке её стола... О боже, боже! С кем она связалась?! Это же чиновник такого высокого ранга, что...

– Спасибо, но у меня и так неплохая должность, – сказала Сандугач, вконец отупев от растерянности. Впрочем, растерянность эта была лёгкая – как след первых заморозков на картофельной ботве. Снова выручила её деревенская сущность: поскольку Сандугач росла, не подчиняясь никому и не вытягиваясь в струнку перед чьим-то приказом, то ни в одной извилине её мозга не было вырезано грозного слова «чиновник». У них, конечно, был председатель колхоза – человек по должности своей более или менее близкий к чиновничьей среде. Но он был робким и тихим. Бедняга то и дело скулил перед женщинами: «...надо бы в амбаре зерно провеять...пора свёклу полоть...»

В назначенное время Сандугач вышла к воротам «центра». Ого, как пунктуален этот Бадри Саматович! Чёрный

автомобиль, похожий на лоснящегося быка, словно бодая асфальт, остановился прямо возле неё. Девушка усмехнулась и оглянулась назад: в каждом окне висело по физиономии. Коллеги – кто с ненавистью (гуляет с крутым чиновником!), кто с завистью (зацепила богатого мужика!) – провожали её на первое свидание. Свидание... Но можно ли было назвать свиданием тот вечер? Ведь в той уютной комнате ресторана, задрапированной тяжёлыми бархатными портьерами, у них была встреча с деревней! Они вдвоём кувыркались на траве, купались в речке, пекли картошку в костре, обжигались ненароком крапивой, а ночью, пробравшись в соседский сад, крали яблоки... Их воспоминания были удивительно похожими, потому что оба были – деревенские. Сандугач увидела в Бадри Саматовиче человека, близкого ей по духу. Он никого из себя не корчил, он даже ел без ужимок, а просто, по-деревенски: не гоняя приборами мясо по тарелке, он просто взял его руками и с удовольствием кусал.

– Мой друг Мансур с женой приглашают завтра на банкет. Ты, Сандугач, пожалуйста, пойди со мной в качестве спутницы, – сказал Бадри Саматович в конце вечера. Затем сунул ей в карман пачку денег: – Купи себе красивое платье, ладно?

На этот банкет, похоже, собралась вся городская элита. Одежда, манера говорить и есть – всё было по-другому, не по-деревенски. И Бадри Саматович тоже ел мясо, разрезая его ножом и накалывая вилкой. Но Сандугач всё равно про-

должала ощущать в нём духовное родство, ведь на его душе белой нитью было вышито: родная земля, деревня, родной дом...

Да-а, два ящика саженцев Бадри Саматович оценил очень высоко. «Не стоит злоупотреблять, – решила Сандугач. – Иногда человек что-то предлагает просто из приличия. А глаза его в это время умоляют: «ради бога, откажись». Бадри Саматович, несомненно, был щедрым человеком. Но это не означало, что надо сесть ему на шею. На званом банкете, под изучающим прицелом тридцати пар глаз (что за пава восседает рядом с таким человеком?) Сандугач не чувствовала себя неловко. Ведь её судьба больше никогда в жизни не пересечется с этими аристократами и аристократками.

Гости разошлись только в полночь.

– Ты где живёшь? – спросил Бадри Саматович, усаживая её в машину.

– В общежитии.

– С мужем, детьми?

– Нет, одна...

Мужчина с облегчением выдохнул:

– Слава Аллаху... – И тут же, смутившись, попытался исправить свою оплошность: – Прости, это я за себя радуюсь. Значит, я не вор, который хочет украсть чужую птицу счастья. А что касается одиночества... То это вещь опасная, очень опасная... Слушай, а почему мы, собственно, спешим разбежаться по своим кроватям?! Поедем ко мне! Посмот-

ришь мои детские фотографии. Как я рыбачил, косил сено...
Рокия угостит тебя чаем с душицей.

И снова Сандугач не смогла сказать «нет» в ответ на это искреннее предложение. Да и машина летела по городу слишком быстро...

Дверь им открыла какая-то женщина. Было видно: не спала, ждала...

– Рокия, где твой фирменный чай? – сказал хозяин, не успев войти. – Завари-ка нам его, пожалуйста, тот самый, с запахом луга, пока мы фотографии будем смотреть.

Но женщина почему-то не побежала на кухню, а застыла, словно ноги её прилипли к полу.

– Ро-ки-я, – сказал Бадри Саматович, мягко растягивая звуки. – Ро-ки-я!

– А, чай? Сейчас...

Женщина, наконец, «отлипла» от пола.

И снова они путешествовали по деревне. Теперь уже при помощи фотографий... Удивительно, но родная деревня Бадри Саматовича была как две капли воды похожа на её Кызыл Тау! Те же луга, та же речка и озеро, те же родники...

– Когда я уезжал из дома, мне было шестнадцать лет, – грустно сказал мужчина. – С тех пор я в деревне ни разу не был.

– И вы не скучаете?!

Для Сандугач это было невероятно. Как можно за всю жизнь ни разу не съездить туда, где ты родился и вырос?!

Конечно, она и сама в этом смысле не лучше Бадри Саматовича. Но ей мешает ступить на землю Кызыл Тау позор, который она там пережила. А тоска-то в душе живёт, тоска не уходит.

– Родители умерли. Дом, говорят, уже сгнил, – сказал хозяин и резко захлопнул сундук воспоминаний: – Рокия, чай готов?

– Поздно уже, мне домой пора...

Словно только что сообразив, что сидит в чужой квартире среди чужих людей, девушка потянулась к сумочке, но Бадри Саматович перехватил её руку:

– В общежитии законы строгие, вахтёрши под утро двери не открывают. Рокия постелит тебе в гостевой комнате.

В тот же момент в дверях с чайным подносом в руках появилась Рокия. Руки у неё дрожали, чашки, соприкасаясь друг с другом, издавали мелодичный звон.

– Ро-ки-я, – сказал хозяин с лёгким упрёком в голосе. – С тобой сегодня что-то творится.

Ещё бы не творилось, если тебя посреди ночи заставляют танцевать перед незваной гостьей!

А чай и в самом деле получился, как в деревне. От знакомого запаха, ударившего в ноздри, защемило сердце. Эх, Кызыл Тау, Кызыл Тау! Забывайся же скорее, забывайся! Не терзай ты сердце...

Слёзы смешались с горячим паром, поднимавшимся от чашки. После чая с душицей размягчившееся тело уже не

хотело пускаться в путешествие по ночным улицам города, и она, согласившись на предложение Бадри Саматовича, поплелась за Рокиёй вглубь квартиры. Говорят же: одинокому нет разницы, где приклонить голову. Ей в самом деле было всё равно – ночевать ли на чужой постели или на койке в общежитии...

Рокия, которой очень шла роль молчуньи, движением подбородка указала Сандугач её комнату. Девушка не стала изучать обстановку. Ей было всё равно, какого цвета здесь стены, портьеры, какая мебель стоит в комнате. Хозяин жил в роскоши. А ей всё это богатство было безразлично. У них на работе женщины любят почесать языки и любимая их тема – ругать богачей. Да пусть они владеют хоть всем миром! Разве может что-то сравниться с её родной деревней! Ведь её душа оживает только при слове «деревня».

Утром Сандугач проснулась от слепящего света. Ого, как крепко она спала после чая с душицей! Ой, она, похоже, и на работу опоздала?!

– Не дёргайся... – «Молчунья», стоявшая в проёме двери, одним взглядом опрокинула всполошенную девушку обратно в кровать. – Бадри уже, наверно, позвонил твоему начальнику. Насчёт твоего отпуска...

– А я не устала, – сказала Сандугач, покраснев. Да, теперь на работе будет достаточно материала, чтобы жевать её. «Сандугач переспала с высокопоставленным чиновником...»

– Всё равно я пойду на работу!

– Постой! – Женщина выпрямилась. – В этом доме слово Бадри Саматовича – закон. Если уж ты к нему приклеилась...

– Что вы говорите?! Я ни к кому не клеилась!

Девушка испугалась своего голоса. Господи, да разве ей что-нибудь нужно от Бадри Саматовича? Ничего! После того как она обожглась с Авзалом, ей не хочется пробовать любовного зелья ни в холодном, ни в горячем виде! Для неё вообще такие никчёмные существа, как мужчины, не существуют, и цена им – копейка за пуд.

– Бадри Саматович уж пять лет, как вдовец. Он не из тех, кто быстро привыкает к женщинам. Ты, деточка, уж не обижай его.

– Вы издеваетесь, да? Как может простой человек, вроде меня, обидеть такого человека?!

– Он в высоком ранге только когда на государственной работе, а дома – сущее дитя. Не груби ему. У молодых жён язычок-то бывает острый.

Сандугач от души рассмеялась, хлопая себя по коленям.

– Вы, тётенька, кажется, не в себе! Какая я вам молодая жена?!

– Мне Бадри сам когда-то сказал: «Если встречу ту, что мне по сердцу придётся, сначала покажу тебе, Рокия. Скажешь своё мнение». Ну, а я... кто я в этом доме... – сокрушённо вздохнула женщина.

– А и в самом деле, вы кто?..

– Кто?.. Что-то вроде прислуги. Ты завтракать-то в постели будешь? Что тебе принести: фрукты, сок?

– Я ещё не переварила то, что съела вчера в ресторане. Я пойду, пожалуй.

– Не сможешь. Хозяин нас запер...

Девушка застыла.

– За... зачем запер?

– Значит, решил жениться. Потерял голову от твоей молодости, о Аллах...

– Зачем мне сдался твой дряхлый старикашка?! – Сандугач чуть не задохнулась от обиды. – Открой дверь, баба яга! Иначе я выпрыгну в окно!!!

Но квартира была высоко – на девятом этаже...

8

Кисловатый запах ржаного хлеба защекотал ноздри. За окном заливалась какая-то птица. Где это она?.. И почему не слышно грохота трамваев и оглушительного визга тормозящих об асфальт шин? Постой, но ведь Ниса в лесу. Временами сознание, одуревшее от глубокого сна, путалось. Ниса в лесу... Почему-то болела шея. Ах да, вчера её поцарапала какая-то девушка. Оказывается, Ниса не готова к таким нападениям. «Сандра приревновала к тебе, ты не сердись, у девчушки с головой не всё в порядке», – сказал Айдар. Ночью, когда она при сумеречном свете лампы-коптилки сте-

лила себе постель, возле открытой двери её комнаты возникла невысокая старуха, с головы до ног одетая во всё белое, и прошелестела едва слышно:

– Ради Бога, не говори барину! А то велит отправить внучку в дурдом...

Кто-то её царапает, кто-то запрещает ей говорить... Что это за таинственный лес?! Но здесь так приятно. В этом доме, построенном из толстых брёвен, Ниса дышит свободно. В комнате нет лишних вещей, которые бы стесняли дыхание, а лишь деревянная кровать, деревянный стол, деревянные стулья...

Запах хлеба стал ещё слышнее. Кто-то без стука отворил тяжёлую дубовую дверь. Это была вчерашняя старуха. Она положила на стол каравай, завёрнутый в клетчатое полотно.

– Кушать, наверно, хочешь. Сейчас будут и чай, и молоко.

Ниса прикоснулась к хлебу, он был горячий.

– Спасибо... как вас зовут?

– Анной кличут. А ты кто?

– Ниса.

– Минниса – твоё настоящее имя, – сказала старуха, некоторое время испытующе поглядев на неё. – Что подделаешь, Господь сам привёл тебя в этот дом. Сандра до сих пор никогда не ревновала к женщинам.

– Не поняла, тётушка Анна.

– Что тут не понять. Ей двадцать лет. Возраст, когда все чувства уже проснулись. Значит, она увидела в тебе сопер-

ницу...

Старуха вышла. От неё самой тоже пахло тестом. Ниса усмехнулась. Ну и как это понимать? Разве она в том возрасте, что может быть соперницей для Сандры? Может, эта девочка опасается, что я украду её выдуманную любовь? Но Ниса никогда не тянулась к «общему» добру. Особенно когда это касалось мужчин. С мужем она развелась именно потому, что не хотела делить его с другими. Тот, о ком она могла бы сказать «мой», так и не встретился, и потому она коротает жизнь одна. Её единственный спутник и ночью, и днём – это её творчество. Оно способно вместить в себя всё, чем заполнена её жизнь: и её радости, и её горести... И ещё оно не способно на предательство.

Снова появилась старуха и занесла крынку с молоком. Затем во главе стола взгромоздился, задыхаясь паром, медный самовар. Нисе показалось, что всё это уже когда-то было с нею и теперь только повторялось... А может, это цепочка памяти, идущая к ней от седьмого колена её прабабушек, соединилась вдруг с её сегодняшним днём? Самый тонкий корень человека – в земле. А на этой земле строят большие города, загромождают её камнем и железом. Земля уже не может дышать и, как человек, начинает задыхаться от нехватки воздуха. Безудержное стремление к цивилизации – это один из способов приблизить катастрофу.

Ниса отлила молока и нарезала хлеб. А ведь у неё, оказывается, нет ни одного произведения о земле. Деревенский

житель представлялся ей доселе таким же простым, как лёгкая арифметическая задачка. Ну, мол, нет в нём ничего такого, над чем нужно было бы ломать голову. Но почему тогда «не решаются» легко вот эта русская старушка тётушка Анна или Сандра и Айдар? И почему так озабочен судьбой деревни Рахмат-Алан, этот рослый и могучий мужик? Ведь ему достаточно наняться охранником в какой-нибудь городской супермаркет, и никаких проблем с деньгами у него не будет. А Сандра почему вдруг увидела в Нисе соперницу? Ведь та длинноногая, что летает только в вертолётах, и молода, и красива. Вот к кому надо ревновать! А эта манера тётушки Анны говорить – вкладывая особый смысл в каждое сказанное ею слово!..

Но Ниса никогда не раскроет этих тайн, потому что она очень далека от этих людей. И этот медный самовар на столе, и крынка, и бревенчатая изба – для неё всего лишь сказка...

Что же творится там, за дубовой дверью? Вдыхая запах хлеба, она пошла по длинному коридору. В просторной комнате справа тётушка Анна возилась у печи. На деревянном столе в несколько рядов лежали караваи, похожие на распустившиеся под солнцем жёлтые цветы...

Внезапно прямо над ухом послышался низкий голос Айдара:

– Как живётся-дышится, дети природы?!

– Слава богу, живы, – ответила старушка, выгребая золу из печи в ведро. – Поешь, сынок.

– Ещё успеется, тётушка Анна. В лесу молоденький соловушка распелся. Прямо заливается. Что это за дела, тётушка Анна, а? Ведь они уже давно птенцов вывели?

– Птицы тоже нынче не те, что прежде, сынок. Если уж весь мир перевернулся, то с этих-то что взять?..

Прижав хлеб к груди, Айдар отрезал ломоть, завернул его в бумагу и сунул в карман.

– Может, встретится по дороге эта соловушка-красавица.

– Хлеб остыл. Давай вези, сынок.

– Вот такая она у нас, бабушка Анна, – сказал богатырь, словно хвастаясь. – Встаёт в три утра и два раза топит печь. Для всей деревни печёт ржаной хлеб. Я предлагал ей привозить из города, но тётушка наша упрямится.

– Вай, сынок, вай. В этом вашем городе хлеб через десять пар рук проходит. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из них скажет «бисмилла»? А ведь скверна проникает в человека и через хлеб.

– Ты, тётушка Анна, гостью-то не пугай страшными словами, – заметил Айдар и, наклонившись к Нисе, вполголо-са добавил: – В последнее время наша русская бабушка всё чаще говорит «бисмилла». Как бы сынок её, Николай, который в городе живёт, бабушку вместе с Сандрой не отправил в дурдом.

– Ты, сынок, насчёт меня не переживай.

Похоже, у старушки был отменный слух.

– Да нет, бабушка Анна, я совсем не о том. Это я по по-

воду скверны, о которой ты говоришь. Думаю, среди нас нет никого, чей узелок с грехами был бы пуст. Но когда помрём, вряд ли Аллах скажет: «Ты, милоч, лишней», надеюсь, каждого он куда-нибудь пристроит.

– А ты куда собираешься идти, ведь там только два места. рай и ад. Третьего нет! – сердито ответила старуха. – На` мешок. Хлеб остыл, грузи давай. Из печи ветром подуло. Барин вернулся.

– Правда, бабушка Анна? Смотри-ка, сегодня вертолёт не особо свистел. Обычно он у тебя золу из печи выдувал...

Парень почему-то не бросился сломя голову встречать хозяина, а начал неторопливо складывать в мешки хлеб.

Ниса размякла. Хлебный дух проник до самых её костей. Эх, сейчас бы, напевая, месить тесто вместе с тётушкой Анной. Но она была здесь чужой...

– Сафарова бы повидать, – сказала она Айдару, который уже закидывал мешок с хлебом на плечо.

– Всё в порядке, сестрёнка. Хозяин ночью звонил. Через полчаса встретитесь...

Для Нисы сейчас ждать полчаса было равносильно тому, чтобы прожить полдня. Она снова повернулась к Аннушке.

– Вам помочь?

Старуха сдёрнула висевший на крючке платок.

– Сначала прикрой волосы. нарежь хлебушка, три куса. Он голодный, не емши. Позаботиться о нём жены нет, матери нет. Руки помыла?

– Помыла, тётушка Анна. А для кого хлеб?

– А ты с кем сейчас встречаешься? С барином? Вот ему и отнесёшь. И молока отнесёшь. Он сейчас, наверно, в лесу. Поест хотя бы на ходу.

Интересно, эта старуха в своём уме? Как может такой человек, как Бахтияр Сафаров, есть молоко с хлебом?! Такие едят в красивых столовых за роскошно накрытыми столами.

– Тётушка Анна, ты, кажется, смеёшься надо мной.

– А что в тебе смешного? Вроде не худая, не рябая... Только ты барину о Сандре не проболтайся, ладно?

В дверях возник широко улыбающийся Айдар.

– Родина зовёт, сестрёнка! А твои караваи, тётушка Анна, уже покатались в Рахмат-Алан.

Старуха сунула Нисе крепко затянутый узлом свёрток:

– Не опрокинь, держи крепче!

...Конец длинной, словно змея, тропинки убежал в лес.

– Куда мы идём? – спросила Ниса, окончательно потеряв способность что-либо понимать.

– Вот те раз! К хозяину!

Уж насколько Ниса удивлялась местным персонажам, но, похоже, сама она поражала их гораздо больше.

– А разве в лесу тоже есть офис?

– Для него весь лес – офис...

– А где тот соловей, который ест хлеб?

– Так ведь это же Сандра! Она от бабки своей прячется. Боится, что её в дурдом сдадут. Во-он наш хозяин! На пеньке

сидит.

Парень легонько подтолкнул Нису в плечо.

Она была босиком. Стараясь не раздавить многочисленных муравьёв, облюбовавших тропинку, Ниса шла по обочине, нещадно терзая ступни прошлогодней хвоей. Кому скажешь – не поверит! Самый крутой чиновник, у которого в казанском офисе охрана стояла даже на внешней лестнице здания, сейчас сидит в одиночестве (!) на пне, а писательница тащит ему молоко с хлебом... Вид усталый... Взгляд устремлён в какую-то точку среди листьев... Но только не на человека по имени Ниса... Словно он её не видит. Да-а, как бы человек ни менялся, но такое качество, как высокомерие, остаётся с ним навсегда. Хотя... Постой, но ведь это же совсем другой Сафаров!.. И дело тут не только в коротко стриженных волосах и синей футболке. Ещё вчера в голове у Нисы роилось столько вопросов: «Почему вы вернулись к первобытному образу жизни? Почему нет электричества, дорог? Где достижения цивилизации – телевизор, телефон?»

Но теперь она видит, что это, кажется, слишком простые вопросы. Слишком простые...

– Я тебя когда-то не принял у себя, ведь так? – Бахтияр Сафаров проговорил это, не отрывая взгляда от той самой точки, словно там была нарисована карта мира, и он теперь изучает её. – Да, не принял. Потом Шахриев меня разобрал. Сказал, что я невежда, который в жизни не прочитал ни одной книги. Что мои два высших образования – это ерун-

да. Что я завернул от порога талантливого писателя. Он дал мне твою книгу. Я хотел закинуть её на полку, но случайно открыл и прочитал одну фразу.

И она меня так зацепила, что я не мог оторваться от книги. И тогда мне стало очень стыдно перед тобой. И сейчас стыдно. Не такие уж мы бездушные и низкие типы, как вы думаете. В высоких креслах тоже люди сидят.

Отогнув в сторону высокие листья папоротника, Ниса положила узелок на землю.

– Это вам... От тётушки Анны. Ешьте.

– Спасибо.

– Вы, кажется, вернулись из дальних стран...

– Говорят, у шайтана выросла очень красивая дочь.

И будто бы все люди, проснувшись поутру, каждый божий день бегут со всех ног посмотреть на неё. Знаешь, как зовут эту девушку? Мир! Вот и я нынче летал взглянуть на эту самую девушку...

Внезапно глаза мужчины расширились. Вскочив, он защищающим движением прикрыл Нису и вскинул вверх правую руку. Что-то, ударившись о его широкую ладонь, каменными осколками просыпалось на землю... Среди деревьев мелькнул краешек жёлтого платья. Сандра!..

– Какая муха укусила нашу Александру? – пробормотал Бахтияр Сафаров, вытирая листком кровоточащую ладонь. – Впервые вижу её такой безумной.

У Нисы задрожало сердце. Камень был предназначен для

неё, если бы Сафаров не успел подставить руку, её череп разлетелся бы одновременно с камнем. Значит, значит... Это значит... Объект ревности Сандры – Сафаров! Она влюблена в него!

– Придётся, наверно, отправить её на лечение в Казань.

– Она, наверно, пошутила. Может, в дерево целилась.

– Не шутила – это точно. Только непонятно, из-за чего злится. Это внучка бабушки Анны. Старуха говорит, что в городе ей не выжить. А здесь, на свободе, говорит, ей хорошо.

Наклонившись, Сафаров развязал узелок.

С ветки кустарника, растопырив лапы, тянул книзу свою нить большой паук. Перехватив его взглядом, Сафаров сказал:

– Смотри, к тебе спускается охрана.

– А где ваши телохранители?

Сафаров налил молоко в две чашки.

– Молоко – от наших коров, хлеб – с наших полей. Короче, всё с нашей родной земли. Давай, присоединяйся, Ниса. Ты говоришь – охрана. Теперь я не держу её. Боюсь, что божьи ангелы скажут мне: «Ага, так ты заботаешься о себе самом?» – и лишат меня своей защиты.

– Меня ещё утром тётушка Анна покормила. Вы ешьте, а я погуляю тут.

Выпив наскоро молока, мужчина догнал Нису:

– Только вместе, ладно? Тот камень может оказаться не

единственным. Эта тропинка ведёт к озеру, там мы разводим рыбу. О-о, твои ноги!

Босая Ниса, ступавшая по земле осторожно, боясь пораниться, остановилась и покраснела от смущения.

– Мне неудобно на высоких каблуках...

– А ты знаешь, что во время стихийных бедствий сельские жители быстрее находят пути спасения, потому что они пуповиной своей связаны с природой, а городские тут же погибают. – Мужчина ткнул пальцем в одну из кнопок своего мобильного телефона. – Айдар! Принеси галоши самого маленького размера! Быстро!

Да, это действительно был другой Сафаров. Но тот прежний Сафаров, который окружил свой офис охранниками, тоже был жив, и это он сейчас не давал Нисе расслабиться и лишал её свободы говорить.

Вскоре прибыли галоши. Они были высланы тонкими стельками из овечьей шерсти, и ступни погрузились в них, словно в тёплое масло.

– Подошли? – спросил Сафаров и уставился на Нису, словно собираясь что-то спросить. Его серые глаза пронзали насквозь, словно шило. – Почему ты неразговорчива, Ниса?

– Я слушаю вас, Бахтияр Бариевич.

– Брось, пожалуйста, свой официальный тон! Я – Бахтияр, Бахтияр, который разводит овец!

– Ну и как, прибыльное дело?

– Прибыльное. Заказов много.

«Может, так и есть! Но ведь ты, Сафаров, укрылся в лесу не только для того, чтобы торговать овцами!»

– Если наладим отношения с Австралией, то вскоре в Татарстане появятся породистые ягнята, приспособленные к нашему климату.

– И это всё?

– Как это «всё»? Надеюсь, Айдар показал, сколько у нас земли, скота?..

– А вам это было очень нужно – вернуться к земле?

– Нужно, очень нужно! Я одному учёному заказал составить родословную моих предков. Он два года копался в архивах. Даже в Питер ездил. В восемнадцатом веке земли в этих краях принадлежали моему прадеду – помещику. Я, ни минуты не думая, тут же купил земли моего предка вместе с лесом. Мы живём в эпоху демократии: делим, нарезаем. Никто не говорит: не трогай народную собственность! Впрочем, здесь настоящего хозяина уже и нет. Поля были заброшены, лес заброшен...

«Нет, товарищ Сафаров, не потому ты распрощался с городом, что тебя потянуло на земли твоего прадеда-помещика. Сегодня такими хозяйствами можно управлять, даже сидя в офисе. Достаточно отдавать приказы помощникам. Наша демократия разрешает иметь батраков.

А перед таким богачом, как ты, готовы гнуть спину сотни здоровых мужчин... Ты играешь в какую-то странную игру... Какую? – узнать бы это и поскорее обратно в Казань. А

там достаточно шепнуть пару слов Шахриеву, который сам прекрасно понимает, куда катится этот мир...» В кармашке сумки запищал телефон. Ищут... ещё бы её не искали! В городе у неё дел – невпроворот. Но сейчас для неё главное – выполнить «воинский долг». Сафаров должен, наконец, раскрыть своё истинное лицо.

Сафаров шёл рядом, беспечно скидывая носком ботинка сосновые шишки, щедро усыпавшие тропинку, пока дорога не вывела их на поляну. Мужчина присвистнул:

– Ого! Мостик сломали! Надо полагать, медведь плясал.

Ниса, которая шла с тяжело опущенной от тяжёлых мыслей головой, вздрогнула. Кто сломал?!

– Что-то Александра бузит, – сказал Сафаров. – Где только силушка берётся?

А ведь девушка преследует Нису. Нашла к кому привязаться!

– Это естественный овражек. По нему течёт вода из семи родников. Пошли! – Мужчина повёл её вниз. Просто перепрыгнуть через ручей было невозможно. Скинув ботинки, Сафаров перебросил их на другой берег. – Вода холодная, как лёд, вы, городские, все неженки... Ещё заболеешь, иди сюда!

Ниса хотела было сказать «нет!», но мужчина уже подхватил её на руки. Для женщины, которая привыкла гнуться под тяжестью жизненной ноши и до сих пор никогда ни с кем не делила эту тяжесть, ситуация была незнакомой и вызываю-

щей странные ощущения. Посмотрите, её подняли вместе с её грузом! И тот, кто поднял, нисколько не тяготится этим.

Посреди ручья Сафаров остановился.

– Тогда я тебя не принял. Сегодня я должен исправить свою ошибку. Что же нужно от нас госпоже писательнице? Давай говори свою просьбу!

– Вода холодная, – сказала Ниса.

– Мы – народ закалённый.

– Мне интересно...

– Что интересно?

– Вот вы поселились в лесу. Наверно, для этого была причина?

– Была.

– Я ищу персонажи для своего нового произведения. Сами знаете, писатель сначала изучает людей...

«Боже, какая наглая ложь!»

– Пожалуйста, моя душа открыта! Но только сначала немного поживи в лесу. Посмотри, понаблюдай.

– Может, встретимся в Казани – в редакции?

– С городом, друг мой, я все счёты закрыл...

В воду с шумом шлёпнулась доска. От неожиданности Ниса уткнулась лицом в грудь Сафарову. Хотя никакой опасности не было. Просто Сандра злится...

– А у тебя дыхание – нежное... – сказал мужчина.

...Отогрелась она только в жаркой бане. Как будто холод

семи родников заполнил все клеточки её тела и застыл как лёд. В углу на деревянной скамье в белых одеждах сидит Аннушка. Старуха караулит Нису... На неё она не смотрит, лишь бормочет себе под нос.

– Николай женился и сгинул в этом своём городе. Он приезжал за Сандрой, чтобы сдать её в дурдом, но я прятала внучку. Ей муж хороший нужен. Если повезёт с мужем, Сандра успокоится...

Ниса не понимала, совершенно ничего не понимала. Сафаров держит её на руках, они стоят в воде... Сверху на них летит доска... Почему она тогда не высвободилась из его рук и не выбежала на берег?! Может, у неё в тот момент отключился разум?

– Если помру, Господь, чай, не оставит Сандру. Мы каждый день в молитвах. А он слышит молитву каждого – и твою, и мою, и птиц, и насекомых. Лишь бы Господь не оставил человека наедине с самим собой. Даже на полминуты. Ведь без Бога человек может натворить разных грехов. Что будет, если мать оставит малое дитя одного? Ребёнок или в огонь руку сунет, или упадёт и ушибётся...

«Дыхание нежное...» Наверно, так и есть. У ореха вон тоже, скорлупа жёсткая, а внутри... У Нисы эта жёсткость, отпугивающая мужчин, только снаружи... Она никогда не кокетничала с мужчинами. Её чувства таились глубоко, очень глубоко, и только очень чуткий человек мог их уловить. Ведь чувство – это не то, что можно нащупать руками, для него

нужно сердце...

– Болезнь Сандры – это наказание, посланное Господом на наш род. Когда-то давно царь насильно крестил наших предков. Так из рода ушла вера. Но мы так и остались в глубине души мусульманами. Как-то раз во сне мой дед дал мне в руки Коран. И сказал: вернись, Аннушка, в нашу веру. Сказал: после этого твоя внучка поправится. Я, слава Всевышнему, намаз читаю. Когда готовлю еду, обязательно бисмиллу говорю. Николай ругается: «У нас, мать, есть свой Бог!» Нет, двух богов не бывает! Коли было бы так, то началась бы война, мир перевернулся, горы обрушились. Только Он один правит миром. Ведь машину два шофёра не ведут, она подчиняется только одному...

Старухин голос просачивается к Нисе сквозь её собственные мысли.

– А что говорят в деревне, тётушка Анна?

– Язык человеческий – без костей, чего не скажет. Я одного только Господа и боюсь.

– А почему ты меня в баню привела средь бела дня, тётушка Анна?

– Обычай таков. Гостю положено трижды угодить: хлебо-сольством, мягкой периной да жаркой баней.

«Да-а... Но я здесь не гость. Я – шпион».

– Барин, надо думать, решил тебе сердце открыть. Доселе он был хмурый, грустил всегда. А сегодня первый раз рассмеялся. Я Сандру угомоню, только ты зла на неё не держи...

«Зачем тебе эти странные лесные люди, их странные дела?.. Нет, держись от них подальше, Ниса. Барин, видите ли, сердце хочет открыть. Просто смешно! Не думаю, что это сердце вообще когда-нибудь было закрыто для женщин! Поймай, но почему это так её задевает? Как будто они помолвлены! А как бы всё сложилось, если бы мостик не был сломан?.. Если бы он не ощутил её дыхания... Может быть, желая, чтобы двое встретились, судьба порой и не кружит их по окольным дорогам.

О Боже, кажется, Ниса начала мечтать... Та, которая целую сотню своих героев щедро одарила великим счастьем любви, сейчас оказалась не в состоянии написать сто первую историю – свою собственную...»

...Она вытерлась длинным льняным полотенцем и оделась. Только после этого старуха поднялась со скамьи.

Ниса сушила волосы на солнце, когда появился Айдар и протянул ей листочек бумаги:

– Хозяин срочно улетел за границу. Он ведь возвращался только ради тебя, не закончив дела, – сказал парень.

Ниса торопливо прочитала сложенную вдвое записку. Послание было коротким: «Не уезжай, жди!»

Она будет ждать! Будет! И пропади пропадом все остальные дела! Что же с ней творится?! Похоже, у неё крыша едет?.. Теперь и она станет, как Сандра?..

– Эй, стой! – очнулась она, увидев, что Айдар поднимается в кабину трактора. – Меня тоже прихвати! – И Ниса

опрометью бросилась к своей машине...

9

...Квартира была высоко. Она выглянула в окно на шумную улицу. У самого края тротуара сидел инвалид с деревянной ногой и играл на гармонии. На нём была обтрёпанная одежка, в волосах торчали колтуны. Проезжающие мимо водители – те, что посердобольнее – кидали ему в окошко мелочь. Эх, гармонь, гармонь... А ведь всё из-за тебя... Где сегодня этот распутник Авзал? Скольких женщин ещё он сделал несчастными? Теперь ей противно даже вспоминать о нём... А душу гложет какая-то щемящая боль... Кажется, это снова её тоска по деревне, которую всколыхнула незатейливая мелодия уличного гармониста.

– Сколько ему лет? – спросила металлическим голосом Сандугач, не в силах повернуться одеревеневшим телом.

– Бадри? Не считала, милая.

Прислуга была малоразговорчивой. Не считала, видите ли. Старый, конечно, старый!

– Я не люблю его!

– Э-э, разве женщине нужно любить. Пусть мужчина любит. С тех пор, как тебя увидел, он стал какой-то потерянный. Давай одевайся, умывайся, причешись... Обедать будете вместе.

Сандугач была не из тех, кто будет сидеть и плакать, глядя

на запертую дверь. Если она захочет, то вырвется на свободу любой ценой. Она осталась по своей воле... Она не стала противиться своей судьбе... Мужчин, среди которых она могла бы выбирать, уже давно разобрали: «зёрна» – то есть те, кто чего-то стоил, – были уже в мешках (женаты, растят детей), а мякина (пьяницы да замухрышки) выброшены на улицу. Сандугач тоже хотя бы раз нужно было побывать в статусе замужней женщины. Всю жизнь она испытывала стыд из-за того, что была брошена. А так она станет замужней женщиной. Всё-таки какой-никакой статус, который позволяет в обществе высоко держать нос.

Глубоко вздохнув, Сандугач сказала:

– Говорят, что утка, попав в безвыходное положение, нырнула хвостом вперёд... Я тоже нырну. В озеро судьбы.

– Тогда с богом...

Служанка, похоже, выполняла во всей этой истории роль свахи. Удалившись в соседнюю комнату, она шёпотом поговорила по телефону. Вскоре, запыхавшись, как только что вскипевший самовар, прибыл Бадри Саматович. Смеялось всё его широкое лицо, смеялись его маленькие глаза-пуговицы...

– Сандугач, мне Рокья сообщила приятную новость. Ты согласна... Я хотел сделать тебе предложение...

– Посадив меня под замок? – спросила Сандугач, взглядев-шись в него.

«Постой, но ведь это же просто старый влюблённый ду-

рак!»

– Но... Если упустишь из рук птицу счастья, ищи её потом!

«Об него можно ноги вытирать! Но мне, наверно, будет жаль беднягу... Пусть только он не поёт мне о чувствах. Негоже старым губам говорить слова любви!»

– Не станем откладывать в долгий ящик, – сказал мужчина, прихлёбывая суп. – Как тебе удобно – в начале, середине или конце недели?

– В конце.

– Где будешь шить свадебное платье? В Казани, Москве?..

– Я не хочу в белом.

– Ладно, надевай что хочешь. Пригласи всех своих друзей, родственников. Сто, двести человек – решать тебе. Если заранее составишь список, то разошлём приглашения.

– Две.

– Что две?

– На свадьбу придут только две мои подруги.

– Ладно. Какой ресторан хочешь?

Старикан, который, как джинн из лампы, был готов мгновенно выполнить любое желание, сейчас буквально плясал на ладони у Сандугач.

– Пусть свадьба пройдёт на природе. За городом, на какой-нибудь лесной поляне. Моё последнее условие: на свадьбе должны быть десять гармонистов.

Мужчина поперхнулся. Рокия тут же подбежала к нему и

– то ли похлопала его по спине, то ли погладила... Глаза у обоих округлились. О чём она говорит, а?! Какой лес, какая гармонь?

– Я же не прошу у вас сказочный дворец, – примиряющим тоном сказала Сандугач, увидев замешательство на их лицах и даже пожалев их немного.

– А ты не стесняйся, проси самое лучшее. – Мужчина взял себя в руки. – Для тебя ничего не жаль. Только на природе будет как-то слишком уж просто.

– А я и сама, Бадри Саматович, простая, деревенская.

– Ладно, ладно, давай не будем портить отношений.

Нашлись и лес, и подходящая поляна. Были возведены три шатра, а к ним проложены дорожки из камня. Специально вызванные с санэпидстанции санитары обильно обработали деревья и кусты вокруг поляны. Комары и мухи не должны были докучать высокопоставленным гостям.

Нису не удивили эти капризы невесты. А Шакира то и дело начинала возмущаться:

– Ты, подруга, вообще-то в своём уме?! Почему не потребовала ресторан «Нурбакча»? Там бывает только самое крутое начальство. Там даже ручка туалетной двери золотая! Там змей и лягушек привозят на самолёте из Африки и жарят прямо у тебя на глазах! Стыдоба, из-за тебя такие люди пачкают в траве ботинки. Да и пришли сюда, наверно, через «не хочу». Не пришли бы, да Бадри Саматовичу угодить нужно... Слушай, Ниса, а наша птичка-то нам ни слова о

том, кого на крючок поймала, да? Ну и скрытная!

– Это её личное дело, – спокойно ответила Ниса.

Но Шакира не могла успокоиться:

– Ба-а, а эти тупые гармонисты – это что, колхозная самодетельность? Другой бы по такому случаю пригласил артистов из Москвы. А ты сама-то, птичка, чего такая кислая? Пожелтела вся, словно отца родного хоронишь. Радуйся, прыгай, пляши! Ты теперь жена такого богача! Кстати, и муж твой не такой уж и старый...

«Не старый...» До свадьбы Бадри Саматович съездил в одну из московских клиник и значительно «уменьшил» свой возраст. Его лицо теперь было гладким, словно после утюга. Да, лицо, конечно, было гладким, но вот под одеялом «следов молодости» почти не ощущалось. И если изношенное годами тело кудесники могли хоть как-то преобразить, то пробудить в нём молодую страсть было не в их силах. Пропитанный запахом старости Бадри Саматович был подобен старому пальто, насквозь пропахшему нафталином. Не разумно возлагать надежды на мужчин, чьё солнце жизни склоняется к закату. Так свеча, перед тем, как погаснуть, вдруг неожиданно вспыхивает. И ты по глупости своей удивляешься: «Какое удивительное сияние!» Но затем свеча гаснет навсегда...

Во время перерыва Шакира снова начала зудеть:

– Здесь есть евреи, русские. Почему тамада только по-татарски тарыхтит? Устроила тут комедию на деревенский лад!

И тут Сандугач взорвалась. Её душа и без того рыдала, весь мир катился в тартарары! Заодно досталось и не виноватой ни в чём Нисе:

– Пусть научатся понимать! Раз уж на татарской земле живут! А вот вы, татарки, должны ещё похвалить меня. За то, что я уважаю свой язык. Хотя... татарского в вас – кот наплакал. Что, например, татарского в Нисе? Разговаривает по-татарски – и всё! На правильном книжном языке. Это, видите ли, литературный язык! Но что в нём есть от народа? Вы, городские мадонны, не знаете вкуса настоящего татарского языка!

Потом, конечно, Сандугач было стыдно за свою выходку. Ведь среди двух сотен гостей действительно близкими людьми для неё были только Ниса и Шакира...

Ах, какая это была ночь на лесной поляне! Создавая иллюзию душистого деревенского вечера, в небе зажглись тысячи звёзд, и эта бесконечность над головой словно всасывала в себя томительные звуки гармонии. И уже было не понятно – то ли стонет вселенная, то ли плачет душа Сандугач...

Налаженную жизнь влюблённого старика молодая жена постаралась не нарушать. И сам Бадри Саматович, поначалу изо всех сил пытавшийся угнаться за молодостью, трезво оценил свои возможности и отказался от «соревнования». Искусственная страсть утихла, движения сделались неторопливыми. Гладкая кожа лица постепенно начала приобретать прежние формы.

Так они и жили... Одно только название и было – муж... Одно только название было – жена... В этой семье из трёх человек каждый занимал своё место. Вот Рокия, например, готовила еду, которую любит Бадри Саматович. Раньше она пекла пироги из зайчатины. Но Сандугач отучила. Сказала как-то, что длинноухий плачет совсем по-человечески, и – сама расплакалась. А слёз своей молодой жены Бадри вынести никак не мог и сдавался.

...Рокия обладала поразительной способностью чувствовать приближение хозяина к дому, – вот и сейчас она спешно накрывала на стол.

– Давай, Рокия-апа, может, помогу? – спросила Сандугач, хотя до сих пор её ещё ни разу не подпускали к сервировке стола.

– Нет, нет, милая, ты давай приводи себя в порядок. Чтобы сидеть рядом с мужем как куколка.

«О боже, но ведь у этой женщины тоже есть душа! Не может же она всё время думать только о кухне».

– Рокия-апа, ты скучаешь по мужу?

– О каком это «муже», милая?

– Здравсьте, ты забыла, что у тебя муж был?!

– Сто лет назад...

– Сто лет или меньше, но – был?

– Постой-ка, кажется, ворота скрипнули!.. Бадри вернулся!

Бадри Саматович почему-то был без настроения. Съел

кусочек пирога, похвалил, как обычно, затем откинулся на спинку стула, посидел, чуть прикрыв веки, затем положил тяжёлую руку на плечо Сандугач:

– Что-то сердце сегодня не в порядке...

– Позвонить врачу? – спросила молодая жена.

– Э-э, да ладно, у меня пройдёт, а вот что с тобой, упряницей, делать? – сказал муж. – Я ведь шофёра потому нанял, что о тебе беспокоюсь. Он дальний родственник Рокии, значит, человек надёжный. Ведь такая мощная машина требует мужской руки, девочка моя!

Сандугач возразить не решилась. Морщинистое лицо Бадри Саматовича было припухлым, посиневшие губы отвисли вниз. Если грузить его сейчас ещё и этой проблемой, – сердце старика может не выдержать.

– Ладно, тогда я с этим вашим шофёром съезжу ненадолго в деревню. Очень соскучилась по родным местам...

«Ненадолго...» Сандугач хитрила. Разве Кызыл Тау отпустит её? Деревня удержит её вместе со всеми её печальями и горестями... И больше никогда не отпустит...

– Без тебя в доме неуютно, не задерживайся надолго, – сказал муж. – Передавай в деревне привет от нас...

Сандугач радостно бросилась собирать чемодан.

– Твой шофёр сейчас прибудет. – Шаги Рокии были неслышными, словно взмах крыльев мухи. Одно слово – тень!

– Ты меня напугала, Рокия-апа!

– Прости, я не постучалась. Боже, куда столько вещей?! Ты сказала «ненадолго», но, похоже, собираешься задержаться там. Ты должна знать: в последнее время Бадри нездоровится.

– Знаю, знаю! Но я в кои-то веки собралась ехать в деревню. А вы мне и тут покоя не даёте!

Ей вдруг показалось, что все – и Бадри Саматович, и его служанка, и Ниса с Шакирой – стараются создать ей сто препон, чтобы она не смогла поехать в Кызыл Тау.

Во дворе послышался незнакомый мужской голос. Звякнула гаражная дверь. И в самом деле, машина – подарок Бадри Саматовича – была несуразно большой, словно слон. Наверно, она едва протиснется в узкие деревенские улочки...

Проходя мимо спальни, Сандугач подумала, что надо попрощаться с мужем. Она сунула голову в дверь, но Бадри спал, чуть посвистывая носом. Женщина успокоенно вышла из дома и тут же, ошеломлённая, застыла на лестнице. Невысокий мужчина, суетившийся возле машины, был до невозможности ей знаком... Авзал! Проклятый Авзал! Она чуть не закричала, но вовремя сдержалась.

Тем временем Рокия развернула Авзала к ней и сказала: – Вот Сандугач. Это твоя новая хозяйка. Ты, пожалуйста, вози её очень осторожно, ладно?

Мужчина, увидев её, от удивления падать наземь не стал. Значит, этот «дальний родственничек» заранее знал, в какой дом попадёт... Сандугач, готовая лопнуть от злости и

ненависти, сжала зубы и села на заднее сиденье. А ещё говорят, что время лечит... Почему же тогда из её раны хлещет кровь?! Положим, она сейчас заявит: «Не поеду!» И что от этого изменится? Разве затянется после этого её вечно кровоточащая рана? И даже если затянется, то – надолго ли? На сколько часов или пусть даже – месяцев?! Из-за этого человека она всю жизнь прожила вдали от своей родины. Тот день, когда её с насмешками и презрением проводили из деревни, с которой она была связана всем своим существом, до сих пор болезненной занозой царапает её память...

Авзал мелко хихикнул:

– Вот мы с тобой и встретились, душенька!

За городом трасса была пустынна. Середина недели, все на работе. Сандугач сидела, делая вид, что наблюдает за дорогой. Если бы она открыла рот, то не узнала бы свой голос.

– А ты – как маслице в тарелке с кашей! Хорошо устроилась, душенька! Политика у тебя правильная. Если старик дуба даст, то богатства его останутся нам, правильно, душенька? Я всё ещё одинок и готов соединиться с тобой хоть сегодня, душенька. Ведь что ни говори, а я – твой первый мужчина, так ведь? А такой человек на всю жизнь остаётся близким, да, душенька? У нас с тобой и любовь была очень большая, да, душенька?..

Едва сдерживая дрожь, охватившую тело, Сандугач сказала:

– Останови-ка на минутку.

Охваченная ураганом чувств, она выпрыгнула из машины. Размашисто открыла дверь со стороны водителя, выдернула худого, как цыплёнок, мужчину за воротник и с размаху отбросила его к обочине:

– Ещё раз попадёшься мне на глаза – убью!

...Машина яростно понеслась вперёд. Да, и вправду деревенские улочки стали совсем узкими. А когда-то в них помещалось всё её детство, и казалось, что это и есть самая большая часть земного шара. Сейчас Сандугач не узнавала Кызыл Тау. Домов осталось мало, они стояли порознь друг от друга... Видимо, в деревне ни у кого не было и лошади, потому что то, что называлось дорогой, по существу представляло собой узкую тропинку, заросшую по краям высокой травой с синими цветами...

Тётя при виде её чуть не выронила яйца, собранные в фар-тук.

– Боже, ты жива, деточка?!

– Жива, тётя, жива! Давай ставь чайник, выгружай гостинцы, а я сейчас быстренько обойду деревню.

Женщина шла по зелёной тропинке, словно искала укромное гнёздышко, в котором она могла бы спрятать свою взбудораженную душу. Казалось, что солнце висит очень низко к земле. Сильно припекало, и, наверно, оттого всё вокруг выглядело как-то слишком ярко, так, что слепило глаза и заплетались ноги. Ах, сейчас на Лебяжьем озере, наверно, всю купается ребятня... В яблоневоm саду созревают крас-

ные яблоки... А на лугах мужики косят траву...

Так, постепенно восстанавливая в памяти картины детства, Сандугач прошла вдоль и поперёк деревню и её окрестности, но прошлое никак не хотело соединяться с настоящим: она обнаружила, что вода в озере стухла, забор вокруг сада повалился, яблони засохли, а луг весь пожелтел и выгорел... К дому, где когда-то разбились её надежды, – к дому Авзала – она вышла случайно. Гелюса мяла для кур картошку. Спрятав за спину огрубевшие руки с грязными ногтями, она сказала:

– Кажись, лицо знакомое... Господи, Сандугач, ты ли это?!

– Я, тётя Гелюса... А у тебя кто есть?

– Сын. Он сейчас в огороде, жуков собирает.

– Помогает?

– Кто?

Гелюса попыталась ногой задвинуть в угол корыто с картошкой, но оно не слушалось её.

– Его отец.

– Да где там! С тех пор, как родился ребёнок, о нём ни слуху ни духу.

Сандугач вынула из сумочки деньги и положила на стол:

– Твоему сыну... На учёбу... На одежду...

Нет, душа её так и не находила себе гнёздышка. Встретившись с реальностью, она, вероятно, убила тот образ деревни, который жил в её мечтах и фантазиях...

– Тётя, а что, если я вернусь в деревню... Насовсем...

– Типун тебе на язык, дурочка!

– Неужели, тётя, надо мной до сих пор смеются?

– Ох, о чём ты говоришь! Твоя история уж давно забыта. Что такое твой грех по сравнению с тем, что творит современная молодёжь. Вон, за клубом водку распивают. Там же... Фу, даже рассказывать противно. А потом начинается: кто-то забеременел, кто-то оставил своего ребёнка в больнице... Не тот нынче Кызыл Тау.

– Тётя, а ту гармонь ты, наверно, давно выкинула?

– Зачем мне трогать чужие вещи? Она в сундуке лежит, деточка.

На деревню опускалась ночь. Обняв свою гармонь, Сандугач притулилась на скамеечке возле ворот. Посмотри-ка, а небосвод здесь такой же, как прежде! С необозримой глубины неба на неё смотрели крупные и мелкие звёзды, не потерявшие своего цвета от бесконечного трения о камни годов... «Здравствуй, Сандугач! Какая печаль гложет тебя, Сандугач? Расскажи нам, Сандугач!..»

Женщина развернула меха гармони. Но кому она могла рассказать, кому решилась бы выплеснуть то, что больно ранит сердце?! Не уходит эта печаль из души, не уходит! Чего ты хочешь, душа?! Чего?! Слезы, опалив щёки, капнули на гармонь. Звёзды тоже плакали вместе с Сандугач...

Невзирая на причитания тёти, она поспешила уехать обратно в Казань. Бадри Саматович болеет... Нехорошо. Ведь

он муж, хоть и старый, но – муж... Он заботился о Сандугач, как о малом ребёнке, а что получил взамен? Что хорошего он видел от молодой жены? Равнодушие, холодные объятия, скупую улыбку...

...В доме горели все окна. Преодолевая сердцебиение, женщина оставила машину на улице и прямо через ограду перелезла во двор. Входная дверь была не заперта.

«О боже, надеюсь, в доме все живы...»

Из спальни Бадри Саматовича доносился приглушённый разговор. Женщина невольно насторожилась.

– Рокия, я, кажется, когда кашлянул, нечаянно пустил под себя. Смени, пожалуйста, побыстрее пижаму. Как бы Сандугач не вернулась, я стесняюсь её.

– Э-э, Бадри, не переживай. Она с собой два чемодана одежды прихватила. Наверно, дня три-четыре там проведёт... Эх, Бадри, Бадри! Не берёг ты себя, не берёг. Всю жизнь заглядывался на молодых женщин. А ведь молодые-то, они все силы высасывают, Бадри!

– А помнишь, лапушка моя, нашу первую брачную ночь? Нам тогда постелили на сеновале.

– Да, да, тогда ещё мышь шуршала всю ночь и спать не давала.

– Мы же сами не хотели спать, Рокия. Молодые были...

– Разве можно это забыть, Бадри!

– Ты не обижаешься на меня, Рокия?

– За что, Бадри?

– За то, что я развёлся с тобой и потом дважды женился.

– Ну и что, что женился? Ведь ты, Бадри, не сказал мне: «Пошла прочь, старая ослица» и не выгнал на улицу. Спасибо и на этом.

– Если у меня с сердцем вдруг совсем станет худо, ты, Рокия, не бросай уж Сандугач, ладно? Стань ей опорой, хорошо? У этой девочки душа чистая, Рокия. Только счастья у неё нет, в глазах всё время стоит печаль...

Сандугач прижалась лбом к стене. «О бо-о-же-е!..»

10

Ударить она не смогла... Эдуард, даже сидя, был выше её. Да уж, ростом вышел, а умом бог обидел. А чего от него ждать, если он свой ум по всему миру развеял! То Америка, то Китай...

Шакира сжала пальцы в кулак. У-ух, вмазать бы разок!

– Ты, жердина, Гульнару тут не порочь! Она и не хромая, и не горбатая. Наверно, просто надела туфли на высоком каблуке. Это и портит осанку у женщин. Не станет же дочка начальника ходить в тапках!

– Мама, Гульнара – очень грубая девушка. И сквернословка, – сказал сын, проведя руками по лицу, словно читал молитву. А это ещё что за жест?.. Сам только что вернулся из цивилизованной страны, а ломается, как деревенский мулла. Раньше родители донимали её этим. Они, видите ли, благо-

честивые люди!

– Сынок, я тебя прошу, не делай так!

– Меня бабушка с дедушкой научили, мама.

– Сынок, они были невежественными людьми.

– Ошибаешься, мама. И бабушка, и дедушка читали старые книги...

– Тебе бы только спорить! Ты не уходи от главной темы.

Ну, скажи, как тебе может помешать язык Гульнары, а?..

– Женщина, которая ругается, отталкивает от себя.

– А ты не теряйся, тоже ругайся!

У Эдуарда только тело длинное, а разговор у него всегда короткий.

– Я пошёл спать, ладно? Доброй ночи тебе!

Европа парня совсем испортила. В нашей стране, если ты будешь воспитанным да стеснительным, тебя раздавят, как клопа. Сын этого не понимает и своей интеллигентностью только вредит себе.

Шакира должна была любой ценой сломить упрямство сына. Но в голове, одуревшей от цифр, пока не было ни одной толковой мысли. Откровенничать с подругами – это значит расписаться в своей глупости. Вот, например, Сандугач – что она однажды заявила?! «Зачем ты суетишься, пытаешься подружиться с представителями высшего света?! Ты – дочь заводских рабочих, не чета им. Даже если ты будешь их кормить из золотой посуды, сажать на золотой унитаз, они всё равно не примут тебя, и тебе никогда не видеть от них по-

чёта и уважения», – сказала она. Как можно после этого обращаться с просьбой к этой язве, мол, помоги заполучить Гульнару! Ну а Ниса – оторвавшаяся от земли и заблудившаяся в небесах Ниса – в таких вопросах вообще в советчицы не годилась. Бросила такого богатого мужа-коммерсанта. Скажите пожалуйста, он, видите ли, терзал её душу своими изменами. Ну и пусть терзает! Если подумать, то его любовницы за ним домой не притаскивались, а деньги – текли в дом, на землю из карманов не выпрыгивали. Тебе надо было всего-навсего закрывать на всё глаза, покупать наряды, есть чего душа попросит, короче говоря, развлекаться от души! Но нет, она, видите ли, будет зарабатывать на жизнь своим «честным трудом». Но быть вечно привязанной к столу, писать день и ночь, растрчивая свет своих глаз, – это каторга...

Поделиться с Аделем Шакира тоже не могла. Неудачник никогда не сможет подсказать тебе правильную дорогу. А потом, Шакира вообще старательно прятала от него свои сокровенные мысли и мечты. Человеку, который не сегодня-завтра получит от неё пинок под зад, не стоит говорить ни «а», ни «б».

С такими мыслями Шакира легла спать, с такими же мыслями она и проснулась утром. Эдуарда надо женить, без сомнения, женить! У него в Казани есть дружок по имени Ринат – шустрый и скользкий, как голыш. Допустим, он со своей девушкой, а Эдуард с Гульнаррой соберутся в доме Шакиры на обед... Хорошая мысль, между прочим! Завтра суб-

бота, пусть молодёжь пообщается в спокойной обстановке! Шакира в это время погостит у Сандугач. Насчёт стола беспокоиться нечего. Вон, соседку Шакиры сократили с завода, времени у неё теперь много, пусть столом занимается... На этот раз, пожалуй, пирогами из супермаркета не отделаться. Дочке начальника наверняка захочется домашней еды.

Весь день Шакира качалась на волнах своей фантазии. «Это сватья Азамата Азатовича!..» Боже, какое могущественное звание! Те, кто раньше не удостаивал тебя даже кивка, теперь будут узнавать тебя за три версты и первыми здороваться с тобой... Двери, которые всегда были закрыты перед тобой, начнут распахиваться настезь...

Вечером они с соседкой составили меню. Только Эдуард ни сном ни духом не ведал о предстоящей вечеринке. Сколько ни звонила ему Шакира – телефон сына был выключен. Но гостей ведь нельзя приглашать за час, воспитанные хозяйева должны предупредить их заранее! Сегодняшние деловые люди живут по плану. Может, и у Гульнары на завтра назначена какая-то встреча?..

Шакира начала злиться. Хотелось ударить, пнуть... Кого? Эту жизнь, разумеется! Каждый раз, когда Шакире кажется, что вот-вот – и сбудется, жизнь в очередной раз поворачивается к ней спиной. Бестолковый мальчишка! Ты ему протягиваешь его счастье на блюдечке, а он бездумно расплёскивает его...

Неожиданно зазвонил телефон.

– Мне нужен Эдуард, – сказал грубый женский голос.

Ага, уличные потаскушки вешаются на сына – на её драгоценного сына! Вот негодник, нашёл кому раздавать свой домашний номер!..

– Я его мать. Сначала поздоровайся, нахалка, – прошипела в трубку Шакира.

– Я тебе говорю, овца! Мне Эдуард нужен!

– А, так тебя овцой зовут? Блей громче, может, Эдуард услышит тебя.

– Послушай, овца! Мобильник Эдуарда недоступен. Если придёт, передай: пусть перезвонит мне – Гульнаре Азаматовне!

Пи-пи... пи-пи... Почувствовав, как враз ослабели колени, Шакира повалилась в кресло. Ещё никто никогда не разговаривал с нею так по-скотски, и никто, даже Сандугач (уж насколько язвительная на язык), никогда не кусал её так сильно, до крови. Гульнара... Дочь начальника... Собственной персоной... В меню предстоящего обеда было пять овощных салатов. Шакира предупредила соседку: «Она девушка нежная, воспитанная, порядочная, пусть и блюда будут такие же утончённые, как сама невеста...» Боже мой, боже мой...

Сын пришёл поздно.

– Эд... Эдуард, почему ты выключил телефон? Тебя... тебя Гульнара ищет, – еле ворочая языком, проговорила Шакира.

– Я говорил с ней, мама. К ней из Франции приезжают смотреть коллекцию. Она просит меня быть её переводчиком. Но у меня нет времени.

Только сейчас Шакира вдруг сообразила: её сын говорит на чистом татарском языке!

– Послушай, где ты научился разговаривать по-татарски, а?

– Бабушка научила. Ты что, мама, забыла, как мы с ней читали татарскую азбуку?

– Но ведь с тех пор прошло сто лет!

– Есть ещё одна причина, мама. Сказать?

– Ради бога, не грузи меня! Надоели мне ваши секреты!

Постой, а с чего это она вздумала отступить? Испокон веку разногласия между свекровью и невесткой – дело житейское. Кто-то из них побеждает, кто-то бывает побеждён. А богатым невесткам порою и уступить не зазорно.

– Сынок, найди ты время для Гульнары, пожалуйста, найди. Не выпускай из сетей эту золотую рыбку!

– Мама, опять ты за своё!

Эдуард попытался уйти в свою комнату, но мать встала на пороге.

– Стоп, парень. Завтра пригласи Гульнару к нам на обед! Дальше сами решайте. На случай, если она захочет остаться ночевать...

– Мама!

– Не спорь со мной! Выполняй приказ!

Шакира не дала сыну и рта раскрыть. Впрочем, и сам Эдуард, верный своей давней привычке, спорить не стал. Видимо, он уже сообразил, как устроена эта жизнь. Сегодня деньги властвуют над всем, деньги!

Женщина с удовлетворением посмотрела на сына.

А в глазах Эдуарда читалось бесконечное сожаление. Он нежно погладил мать по волосам и сказал:

– Прости меня, мама...

Шакира не стала уточнять – за что. Сын просит у неё прощения. Очевидно, за то, что спорил с ней, упрямылся и портил матери нервы... И камень, который всё это время тяжело ворочался в её сердце, тут же бесследно исчез...

– Это же все ради тебя, сынуля. Ради твоего счастья я готова в лепёшку разбиться. – Шакира была довольна. – Позвони Гульнаре, ладно?..

Хотя сон окончательно покинул её, женщина всё же легла в постель. План на следующий день был готов: сначала они с Аделем поедут в Дербышки и наберут в бутылки родниковую воду. Затем на базаре купят самые сочные фрукты.

Адель, человек пунктуальный, подогнал машину к подъезду в самую рань. Шакира осторожно, стараясь не шуметь, прошла мимо комнаты сына. Пусть спит деточка, набирается сил. Из-за двери соседской квартиры уже доносились аппетитные запахи. Следовательно, работа согласно плану началась.

Аделя, стоявшего прислонившись к машине, она попри-

ветствовала одним лишь щелчком пальцев.

«Ну, парень, скоро мы не будем нуждаться в услугах твоей развалюхи. Эдуард собирается подцепить на крючок «золотую рыбку». Ха-ха! Шакира породнится с начальством. Птичка Сандугач твердит: «Ты не ровня им!» Но деньги способны даже горы сровнять с землёй».

– У тебя хорошее настроение, что, приснился волшебный сон? – сказал мужчина.

А ведь и правда, её сегодняшний сон был удивительным. Будто бы Шакира провалилась в груды золота и барахтается, не в силах выбраться. Но разве возможно, чтобы золото задавило кого-то насмерть?! Это просто намёк на будущее. Значит, её дальнейшая жизнь пройдёт в богатстве и довольстве.

– Так нам и не довелось смотреть чудесные сны вместе, на одной подушке, Шакира. Прости...

Адель, как всегда, был неуместен со своими разговорами.

– Ради бога, не порти мне настроения. Надо было мне нанять такси... – надулась женщина.

– Ты меня не поняла, Шакира. Я ведь сказал: «прости». Я, красавица, порываю с тобой отношения. У нас, конечно, особых и отношений-то не было, чтобы их рвать. Ты, Шакира, никогда со мной не считалась. А вот влюбить в себя без памяти сумела.

– Ты правильно делаешь, что ставишь точку, – ответила женщина, нисколько не смущаясь услышанным. – Мы с то-

бой не пара. Особенно с этого дня. Я ведь собираюсь породниться с людьми благородного происхождения. Сват мой – один из самых богатых людей. А кто твоя новая подружка?

– Она? Она – обыкновенная учительница.

– Хи-хи! Хорошая пара – кулик да гагара!

Когда Шакира смеялась против желания, у неё некрасиво морщился подбородок. Вот предательский подбородок! Как бы женщина ни старалась не подать виду, на душе у неё заскребли кошки. Как легко её заменили другой! Без всяких страданий, терзаний, угроз повеситься и покончить с собой...

– Я бы, конечно, пожелала тебе счастья, но какое уж счастье может быть у нищих. Оба вы...

– Может, – сказал мужчина. – Надо только чуть умерить свои желания.

– Фи, философ несчастный, – презрительно ответила женщина. – Давай, помоги сегодня, а потом проваливай к своему умеренному желанию!

Вернувшись с рынка, Шакира сухо сказала:

– Смотри, неси коробки аккуратно!

Эдуард по-прежнему крепко спал. Уже пора бы ему и встать! Что он наденет, каким одеколоном надушится? – ведь ещё ничего не решено.

– Сынок, вставай, давай вставай! – женщина постучала в дверь сына. В комнате царила странная тишина. Эдуард ни-

когда не спал так долго. Что-то тут не так... И вчера, когда она сказала о гостях, сын как-то подозрительно быстро смирился. И про Китай не стал говорить, и про всяких там Нэлли...

– Сынуля!

Странно, комната была не заперта и... внутри была пуста. На аккуратно заправленной кровати, словно чайка на волнах, лежал белый листок бумаги. Это был пугающий расклад. Когда сын не мог победить её в словесном споре, он «разговаривал» с нею посредством писем.

Шакира подлетела к записке и принялась читать.

«Мама! Счастье не только в богатстве, мама! Ну как можно продать свою свободу и добровольно сделаться рабом?.. Это следствие твоего безверия, мама. Если бы ты благодарила Аллаха, читала молитвы, может, избавилась бы от этой своей болезни – жадности, мама. Если обижаю тебя – прости. К девушке (или женщине), которую ты мне насильно навязываешь, у меня душа не лежит, хотя тебе она и нравится. Впрочем, ты ведь хотела женить меня на её деньгах. Мой любимый ангел – это Наиля, девушка из Балтасей. Мы шутя называем её Нэлли. То, что я хорошо говорю по-татарски, – результат её стараний. Она меня научила. Наиля три года преподавала татарский язык у себя в районе. Теперь мы вместе – Наиля из Америки, а я из Казани – направляемся в Китай. Когда ты будешь читать это письмо, я уже буду в поезде. Не сердись, мама. Каждый должен жить в соответствии

со своими мечтами, своими планами. С надеждой на будущие встречи: твой сын Эдуард».

Женщина задохнулась от злости, лицо её побелело. Ей захотелось догнать сына и колотить его, бить головой об пол вагона, в котором он уезжал от неё. Скотина! Бежит от собственного счастья! Вот уж действительно, если ты – потомок необразованных мужиков, то хоть в муке обваляйся, белее никогда не станешь. Никогда... И вдруг внутри неё как будто что-то прорвало. Шакира уже давно забыла, что такое слёзы. А сейчас она, задыхаясь от рыданий, звонила Сандугач. Но телефон молчал. Тогда женщина, плача, набрала номер Нисы. И хотя Шакира терпеть их не могла и всегда считала ниже себя, но в этот момент ей почему-то срочно понадобились именно её подруги.

– Почему ты плачешь, Шакира?! – удивлённо спросил Адель, зайдя в квартиру с очередной коробкой в руках, и обнял её за плечи.

– Ты пока постой в подъезде, ладно?

Густая тушь, стекая с ресниц, прочертила чёрные борозды на её припудренных щеках, и Шакира на глазах менялась... А это для неё было уже настоящей трагедией...

Человеку вовек нет покоя: всю жизнь он пытается утихомирить свою мятущуюся душу. Суется, желая поскорее за-

лечить свои раны, быстрее исправить ошибки.

А душа словно дразнит и продолжает создавать одну проблему за другой. Потому что она – не из этого брэнного мира. На эту суматошную и грешную землю её прислали на время, а потому душа, устав от тесноты, мелочности, всё время стремится куда-то в неизвестность.

И у Нисы есть раны, и у Нисы были ошибки. Только она ничего не исправляла, ничего не лечила. Событиям, случившимся в лесу, она по-философски дала очень простую оценку: два дня – это всего лишь два жёлтых листка, сорвавшихся с дерева жизни. И только... Если Сафаров заперся в этом своём лесу, где нет ни дверей, ни ворот, ну и пусть его! Почему это Ниса должна копаться в чужих тайнах?! «Воинский долг» она, конечно, не выполнила. Но ты же – писатель, так что давай, напряги свою фантазию! Например: Сафаров не смог тянуть воз или на чём-то «погорел»... Нет, подобные предположения – явная небылица, и Шахриев на такую дешёвку не клюнет. «Жди...» А чего? Ждать, пока буря налетит, да? Ждать, когда ещё есть возможность унести голову подобру-поздорову? Точнее, не голову, а сердце... Стрела любви прежде всего впивается именно туда. Ах, глупая женщина! Раньше ты лепила мужские образы так же, как пчела из тысяч цветов собирает мёд, а теперь оказалось, что один из них – настоящий! – живёт в лесу... Но читатель не поверит в это. Скажет: «Такой мужчина на земле не существует, это сладкий плод твоей фантазии». Но тётушка Анна?

Айдар? Длинноногая? И, наконец, Сандра-Александра? Они тоже – фантазия писателя? Сандра тогда проводила её, прячась в тени сосен. В её глазах была смесь интереса и ненависти. Кто может понять состояние влюблённого...

Снова вернувшись в городскую суету, Ниса первым делом заехала к Шакире. Подруга почему-то всё время звонила ей по телефону и плакала. А ведь душа её всегда была словно высохшее озеро. Откуда же теперь взялось столько слёз?

Ниса подругу не узнала. Шакира и сама застеснялась своего вида:

– Что-то я сегодня совсем расклеилась... – И по её лицу, бесцветному, как застиранное полотенце, снова покатались слёзы.

– Ничего, человек должен чаще бывать в своём естественном виде.

Ниса пыталась утешить.

– Ты про меня и Сандугач что-нибудь написала, что ли?

– Ты же себя и так знаешь, Шакира.

– Чёрта с два я знаю! Вот уже тридцать лет я каждый день рисую себе лицо. Я, наверно, уже извела тонны краски. Зачем?! Для чего?! Знаешь, чего я больше всего боюсь, проснувшись утром? Что какой-нибудь мужчина увидит меня ненакрашенной! Мне мама говорила: «В Судный день восстанешь со своим намазюканным лицом и будешь держать ответ как грешница, которая пытается исправить то, что дал Господь».

– У тебя сегодня почему-то нет настроения, Шакира.

– Есть, есть у меня настроение! Вон стол накрыт. Смотри, какие тут угощения. Только счастье улетело. В Китай. Оказывается, если не хочешь упустить своего счастья – надо подрезать ему крылья. Давай поедим... Сандугач в больнице, дежурит рядом с мужем. Говорят, сердце у него...

Спотыкаясь о длинные полы своего халата, хозяйка пошла к двери и втащила топтавшегося на площадке Аделя:

– Давай, давай! Разве я позволю тебе замёрзнуть в холодных объятиях твоей училки! Скажи, подруга, мы – красивая пара?

– Красивая, красивая, – ответила Ниса, избегая смотреть на них в упор. – Я спешу, вы уж тут сами, вдвоём посекретничаете за чаем, ладно?..

Спешит... Куда? Конечно, дел у неё полно. Человек, не разбирая, что важно, а что нет, всю жизнь копается, как курица, на помойке жизни. О, это пренебрежение к своему времени!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.